

А. БУТКЕВИЧ

К 23

3.93

УТВЕРЖИ
СРЕДИ

10/1/21

РЕДИ ГОР

УДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СКВА 1927

2

1891

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PERKINS

LIBRARY

PHYSICS

1911

PHYSICS

1602

Проверено
1930 г.

КОЛЛЕКТОР

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ и СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

А. БУТКЕВИЧ

IV 52 15932

СРЕДИ ГОР

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ
НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

2036

РИСУНКИ
П. СТАРОНОСОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

154873

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

673316 Кх - ред

Российская государственная
детская библиотека

Главлит № 77514.

Гиз. № 17837.

Тираж 7.000 экз.

Тип. Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

В Р А Г И

ИЗ ЖИЗНИ ТУШИН И КИСТОВ ¹⁾

1

Котэ Бакрадзе спешил добраться до дома, пока горы не утонут во тьме. Мешок соли, что перекинут у него через седло, являлся ценной приманкой не только для хевсур и кистов. Соль в горах дороже золота, и охотников за нею в горах не мало.

Узкая дорожка вьется по берегу шумливой речки. По сторонам неуклюжие громады гор. Где-то там высоко расположено родное селение, куда и спешит Котэ. Тушинские селения располагаются высоко, точно укрываясь в горах от нападения беспокойных соседей.

---

¹⁾ Тушины и кисты живут на северном склоне главного Кавказского хребта (10 000 чел.) и делятся на 4 общества, из числа которых Цовское общество, или кисты, как выходцы из чечни, является обособленным. Кисты говорят на языке чеченской группы и считаются мусульманами.

Внизу шумит вода. Лошадь осторожно ступает по узкой извилистой дорожке. Высоко над головой появляются вечерние огоньки.

Котэ надо к ночи быть дома. Наступило время, когда стада свои (баранту) тушины выгоняют на пастбища за тридевять земель. А в стадах у них все богатство,— хлеба мало родят их горы. Завтра рано утром сосед Бакрадзе угонит стада свои за Пассанаур,— его доля соли была в мешке у Котэ. Через несколько дней, когда приедет из большого города старший брат Бакрадзе, студент, то и Котэ с братьями, отцом и другими соседями погонят свою баранту тоже за тридевять земель, и дома, на селении, останутся лишь женщины, старики и малые дети.

Лошадь запнулась о камень, который с шумом выскочил у нее из-под копыт и покатился под откос. Внизу, в кустах, кто-то зашевелился и застонал. Юноша приостановил лошадь и перекинул из-за плеч винтовку. Встречу с недобрым человеком всегда можно ждать в горах. Стон повторился.

Вглядевшись в еще негустые сумерки, в редких кустах Котэ увидел человека, не то сброшенного под откос, не то упавшего туда. Человек, скорчившись, лежал,— он, видимо, был ранен и страдал.

Юноша, не спеша, слез с лошади и осмотрел, крепко ли привязан мешок. Осмотрелся. Кругом

никого не было. Узкая дорожка тонула в сгущающихся сумерках. Внизу ревела река. Котэ решил остановить лошадь на дорожке и сам начал спускаться под откос.

В раненом человеке Баркадзе узнал киста из селения за перевалом, не раз замеченного в угонке скота. На минуту остановился. Кист был безоружен и смотрел на юношу с тоской, ожидая решения своей участи. Кист и тушин—всегда враги. Тесно им в горах и всегда мешают они друг другу. Казалось бы для юноши должно было быть самое простое решение вопроса: прикончить раненого, отрубить у него руку и привезти ее на селение, как знак победы над врагом. Но побеждают в бою... Убить раненого, лежащего? Оставить и уйти?..

— Итти можешь?— с каким-то уже решением, вспомнив, что отец только что ушел в дальнее селение и вернется не раньше, как через неделю, спрашивает он киста.— В горах со всяким может случиться такая беда.

— Совсем мало... Нога болит...— не понимая, что будет дальше, отзывается тот.

— Ну, если одна, тогда еще ничего. Держись за меня и поднимайся. Вот посажу на лошадь как-нибудь, а там недалеко и селение.

Стало совсем темно. Дорога тянется вверх по краю обрыва. Только по шуму бегущей внизу реки можно догадаться о глубине его. Но вот

где-то далеко блеснул одинокий глазок огонька. Стало точно светлее.

— Ну, вот мы и дома!— после продолжительного молчания весело роняет Котэ.

2

Дома Котэ ждала радость,— за время его отсутствия приехал старший брат, студент Илико. Он был гордостью не только семьи Бакрадзе, но и всего небольшого селения. Хотя юноша и не последовал примеру брата, так как не мыслил себе жизни вне родных гор, но он не мог не чувствовать, что старший брат всегда своим появлением вносил в жизнь их глухого, заброшенного в горах селения что-то новое и светлое. А сейчас, вернувшись домой с подобранным на дороге раненым кистом, вечным врагом тушин, Котэ знал, что Илико пожалеет несчастного и не выгонит его из дома.

Рана гостя оказалась неопасной. Чья-то, вероятно не случайная, пуля прошла через мягкую часть ноги и оставила в ней на несколько дней острую боль. Садых, как звали случайного гостя, не рассказывал как его ранили, а Котэ, знающий что тот из селения за перевалом, жители которого не раз нападали на тушин, не спрашивал его. Садых был хотя и случайный и совсем незванный, но все же гость. Личность гостя на Кавказе свя-

щенна. За ним ухаживали, к ране прикладывали траву, поили его и кормили.

Через неделю, когда Садых мог уже с палкою двигаться, юноша рано утром выехал с гостем в горы и на том месте, где он неделю тому назад нашел раненого киста, он спустил Садыха с лошади, и они на прощанье крепко обнялись и расцеловались.

— Спасибо, брат Котэ!— сказал растроганный Садых,— теперь я твой друг до гроба.— И они расстались. Котэ поскакал по узко извиистой дорожке вдоль шумливой речки к родному селению,— отец мог каждый день вернуться, и надо было готовиться к уходу с барантой в горы. Садых же, опираясь на палку, побрел в противоположную сторону по направлению к перевалу.

3

Через несколько дней рано утром, когда чуть брызнуло заревом за скалистым хребтом, вся баранта Баркадзе была снята с мест и потянулась живым ковром на новые летние пастбища за тридцать земель. Там, в далеких кочевьях, по горам и долам своих и чужих земель, будут перегоняться стада, а за ними в дождь и жару будут следовать люди. А дома оставшиеся женщины с утра до вечера за ткацкими станками, за неуклюжими «ксели» будут ворочать плоскими отполированными в рабо-

те челноками, стучать колотушками и расчесывать гребнями длинные нити шерсти.

Уйдут все мужчины на кочевья, останутся лишь женщины, глубокие старики и малые дети, и жизнь на лето замрет на селении. Тихо и скучно. Нет ни песен, ни смеха. Лишь стучат веретена, сучатся нитки, ткут, красят, шьют. А осенью, когда вернутся стада, вернутся мужья, братья и отцы, к приходу которых заготовят и новые чохи ¹⁾, и новые шальвары, и обувь, и теплые чулки,— тогда оживится селение.

Расплылась баранта по лысеющим горным склонам, как вдруг со всех сторон с гиканьем, со свистом показались всадники с карабинами в руках, окружили стадо, оттеснили хозяев и погнали сами глупую баранту, но только в другую сторону.

Не в первый раз такое нападение в горах. Кист всегда наготове, чтобы обидеть мирного тушина. Веками враждуют между собою эти соседи, веками сталкиваются их интересы и горы потворствуют насильникам.

Разбежались все сопровождающие стадо, но Котэ последовал за грабителями: в числе обидчиков он увидел Садыха. Вся кровь поднялась в юноше. Зачем он, как и следовало бы, не убил киста при встрече, как гадюку? Зачем он пожа-

---

¹⁾ Верхняя одежда у мужчин.

лел его и привез к себе в дом, лечил, ухаживал и считал гостем?..

«Проклятая мусульманская собака!— думал он в гневе, перебегая незамеченным от скалы к скале и прячась за камнями.— Проклятая гадюка! Если я тогда не пролил твоей крови и, не боясь навлечь на себя гнева близких, привел под родную крышу, то ты так-то платишь мне за добро? А еще обещал быть другом до гроба? Могу ли я теперь вернуться домой, когда родные знают, что Садых, кист, который неделю ел вместе с нами, угнал нашу баранту?..

И следствием гнева Котэ было решение убить Садыха. Но это казалось ему мало. Что значит смерть одного, когда надо отомстить всем тем, кто напал на них вместе с Садыхом.

Кисты гнали овец. Остановки они делали короткие, чтобы подобрать отставших, и тут же резали их. К вечеру должны были перейти перевал и подойти к небольшому селению. Это было то селение, в котором жил и Садых, и Котэ знал, что дом его стоит первым от дороги с перевала. Знал, что рядом с ним живет мулла, которого кисты ближайших селений почитают за святого человека. И убить этого святого человека тоже задумал Котэ. Убить, а голову отрезать. И выкупом за голову Котэ потребует угнанную баранту,— не станут же кисты своего муллу хоронить без головы.

Но Садыха заметил не только Котэ. Его видели Илико. Старший Бакрадзе заметил также, что Котэ исчез вместе с нападавшими. В чем дело? Вероломство Садыха было очевидно и для Илико. Уж не направился ли юноша мстить недавнему гостю, нарушившему адат ¹⁾ гостеприимства?

Долго раздумывать не было времени. Илико знал, что младший брат в порыве гнева мог надеяться не только много глупостей, но и поплатиться собственной жизнью. И он также поспешно направился вслед за грабителями.

Там, в большом городе, старший Бакрадзе сбросил с своих плеч всю тяжесть темноты и вместе с нею старые тяжелые кровавые традиции. Там же Илико понял, что вечная вражда между тушинами и кистами есть не что иное, как следствие сплетения жизненных экономических интересов этих двух чуждых друг другу народностей. Запертые в горах, мало пригодных для земледелия и даже для скотоводства, они все столкновения друг с другом, главным образом возникающие из-за земли же и скота, разрешают силой. И естественно побеждает тот, кто сильнее или ловчее. Много при этом проливалось невинной крови. Слабые же терпели, а при случае мстили обидчикам. И мстить обидчикам стало законным.

---

¹⁾ Обычай, закон.

Где-то впереди кисты гнали захваченных у тушин овец. Перебегая незамеченным от скалы к скале и прячась за камнями, следовал за ними Котэ. А за юношей, стараясь также быть незамеченным, верхом на привычной к горным тропам лошади пробирался Илико.

Время близилось к вечеру. Недалеко был перевал, а за ним то кистинское селение, в котором жил Садых. Котэ устал. Целый день крайнего напряжения нервов. Целый день без еды, почти без питья. Ноги подкашиваются от усталости. Так хотелось бы на минутку прилечь в первой приятно манящей расселине. Но впереди с барантой виднелся Садых...

Шумливо-говорливый ручеек, сбегает незаметным откуда-то с уступа горы, ширится и вдруг уже с легким рокотом преграждает путь Котэ. Юноша останавливается. Колени сами сгибаются, — надо утолить жгучую жажду и освежить разгоряченное лицо...

5

Наступила ночь. Илико вдруг показалось, что он сбился с дороги и потерял тех, за кем следовал в течение целого такого трудного дня. Ему мало знакомому со страхом, стало как-то жутко. И жутко было не оттого, что он может остаться ночью в горах один, — это ему не раз прихо-

дилось уже испытывать. Нет, он боялся не за себя, а за брата, который там, впереди, может натворить много необдуманного.

Старший Бакрадзе приостановил лошадь. Небо было далеким, прозрачным и знакомым. Вот — Млечный путь, а вот и созвездие Большой Медведицы. Теперь он уже знает в каком направлении ему надо двигаться дальше.

Слух Илико уловил звуки где-то близко струящегося ручья. Надо было напиться самому и напоить лошадь.

Спустившись вниз на звуки струящейся воды, Илико скоро отыскал ручей. Слез, напился сам и напоил лошадь. Ему вспомнилось это место, этот ручей, который должен поблизости пересечь знакомый путь, ведущий к перевалу. Он знал, что необходимо его найти, но сейчас было безрасудно искать, так как наступила уже ночь, и светлым над головой был один Млечный путь.

Но Илико вырос в горах, и места кругом родного селения были ему знакомы. Он стал медленно пробираться по течению ручья. Лошадь следовала сзади в поводу. Путь предстоял как будто нелегкий. Вокруг была глубокая тишина, такая же глубокая, как ночная тьма. Но вот та глубокая тишина нарушилась и нарушилась совсем необычным звуком. Илико показалось, что где-то, совсем близко, храпит спящий человек. Остановился. Прислушался. Да будто где-то

совсем близко раздавался храп. Кто же мог храпеть? Кист? Враг? Как быть? Бежать? Но куда?

Илико вынул коробочку со спичками. Ярко вспыхнул огонек и тотчас погас. Рука нервно чиркнула вторую спичку, за нею третью... В кармане оказалась какая-то бумажка. Ненадолго вспыхнувшая бумажка позволила Илико увидеть в нескольких шагах впереди себя, вблизи ручья, крепко спавшего Котэ.

6

Раннее утро застало братьев мирно спящими на берегу ручья. Первым проснулся Илико. Было холодно. Своей чохой он накрыл брата. Хотелось есть. У него на лошади была еда, и он о ней вспомнил теперь. Вспомнил он также и о том, что там, в родном селении, близкие должны беспокоиться не только об угнанной баранте, но и о нем и о Котэ. Надо было спешить домой.

— Котэ! Котэ!— начал он теребить юношу.— Вставай! Надо торопиться домой!

Может быть первый раз за всю ночь Котэ перевернулся, сбросил чоху, сел и, точно что-то вспомнив, быстро поднялся с места.

— И как это я мог уснуть?— бросил он, торопливо подбирая оброненные им вчера шапку, палку, мешок и стуча зубами от утренней свежести,— А как ты попал сюда?— спросил он брата, снимающего с лошади мешок с едой.

— Да за тобой поехал,— отзывается тот.— Ну, говори, какие глупости ты затеял?

Вся обида, нанесенная Садыхом, с прежней силой поднялась в юноше.

— Проклятая собака!— уже почти кричит он и машет в сторону перевала кулаком.— Я тебе покажу, как иметь дело с Котэ Бакрадзе! Если я тогда тебя не убил, так тебе теперь не сносить своей головы.

— Ну, а дальше что?— как будто нисколько не удивляясь слышанному, спрашивает Илико.

Котэ на минуту замялся. Ему вспомнился намеченный план убийства Садыха и муллы, а также выкуп за голову последнего, и тут, при утренней свежести, этот план ему показался немного сложным.

— Знаешь, Котэ!— уже вместо юноши говорит Илико,— убить Садыха — может быть, ты и убил бы. Я знаю, смелости у тебя на это хватит. Ну, а дальше что? Вряд ли этим ты вернул бы баранту. Правда, может быть, наказал бы Садыха за его неуважение к оказанному тобою гостеприимству. И только. А как ты думаешь, родственники Садыха простили бы тебе его убийство? Брось, Котэ! То, что Садых поступил вероломно, это правда. На то он и кист. Ну, а действовать нам против тех кистов, которые угнали баранту, надо иначе. Против силы,— а кисты вчера были силой,— надо выставлять силу. Об этом следует подумать.

Вот закусим немного и поедем домой, а там обсудим план дальнейшего действия.

Котэ молчал. Не то это было молчаливое согласие с доводами брата, не то молчаливый протест. Старший Бакрадзе отрезал кусок баранины, отломил хлеба и передал младшему. Тот взял, и оба принялись закусывать. Но вот завтрак кончен и запит холодной водой из ручья.

— Ну, едем! Смотри, уж солнце встало,— говорит Илико, направляясь к лошади.

— Я не поеду,— неожиданно отзывается Котэ, и в тоне его сквозит что-то новое...— Не бойся, убивать Садыха я не пойду. Не хочу марать рук в его собачьей крови. Все равно, этим делу не поможешь. Ну, а без баранты я все же вернуться домой не могу.

— Не глупи, Котэ! Где же ты ее возьмешь?

— Постараюсь. Авось возьму! Ты сказал, что против силы нужна сила. Я и пойду искать помощи в силе. Я пойду к караулу, что на границе. Я расскажу им все и попрошу, чтобы они мне помогли.

Старший Бакрадзе посмотрел на юношу с уважением.

— Придумал ты не плохо... Но выйдет ли что? Может быть, поедем вместе.

— Нет, Илико! Ты поезжай домой, там ведь беспокоятся, а я пойду.

673316

Илико спрыгнул с лошади, на которую только что сел.

— Ладно!— сказал он.— Я пойду домой, а ты садись и поезжай. Тут и еда есть, на всякий случай. И винтовку мою возьми. А я пойду. К полудню, наверно, буду дома,— дорога пойдет под гору. А тебя я буду ждать завтра к вечеру.

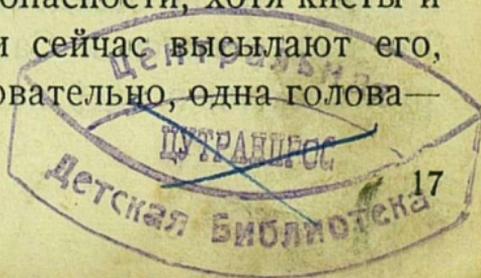
И братья расстались.

7

9306
Кисты, конечно, ожидали противодействия со стороны пострадавших тушин. Но они никак не предполагали, что к утру второго дня, как они пригнали баранту, в их небольшое селение могло бы въехать столько вооруженных людей из числа той охраны, которая была у них, как чирий на ноге. А среди тех людей Котэ Бакрадзе.

Все, кто успел, быстро попрятались. Казалось, что на селении были только одни женщины, дети и мулла, который и вышел к прибывшим для переговоров.

Мулла был стар и сед. Он свыкся с тем, что паства его живет в вечной вражде с соседями, часто обижая последних. Он видел много крови как правоверных, так и тушин. Он знал, что и его голова не раз была в опасности, хотя кисты и берегли ее. Если уж они сейчас высылают его, а сами попрятались, следовательно, одна голова—

и именно его—должна была отвечать за все другие.

Но Котэ не хотел с ним говорить. Пусть с муллой говорят из отряда,—они скорее достигнут того, чего он хотел получить, имея голову муллы. А ему надо видеть Садыха.

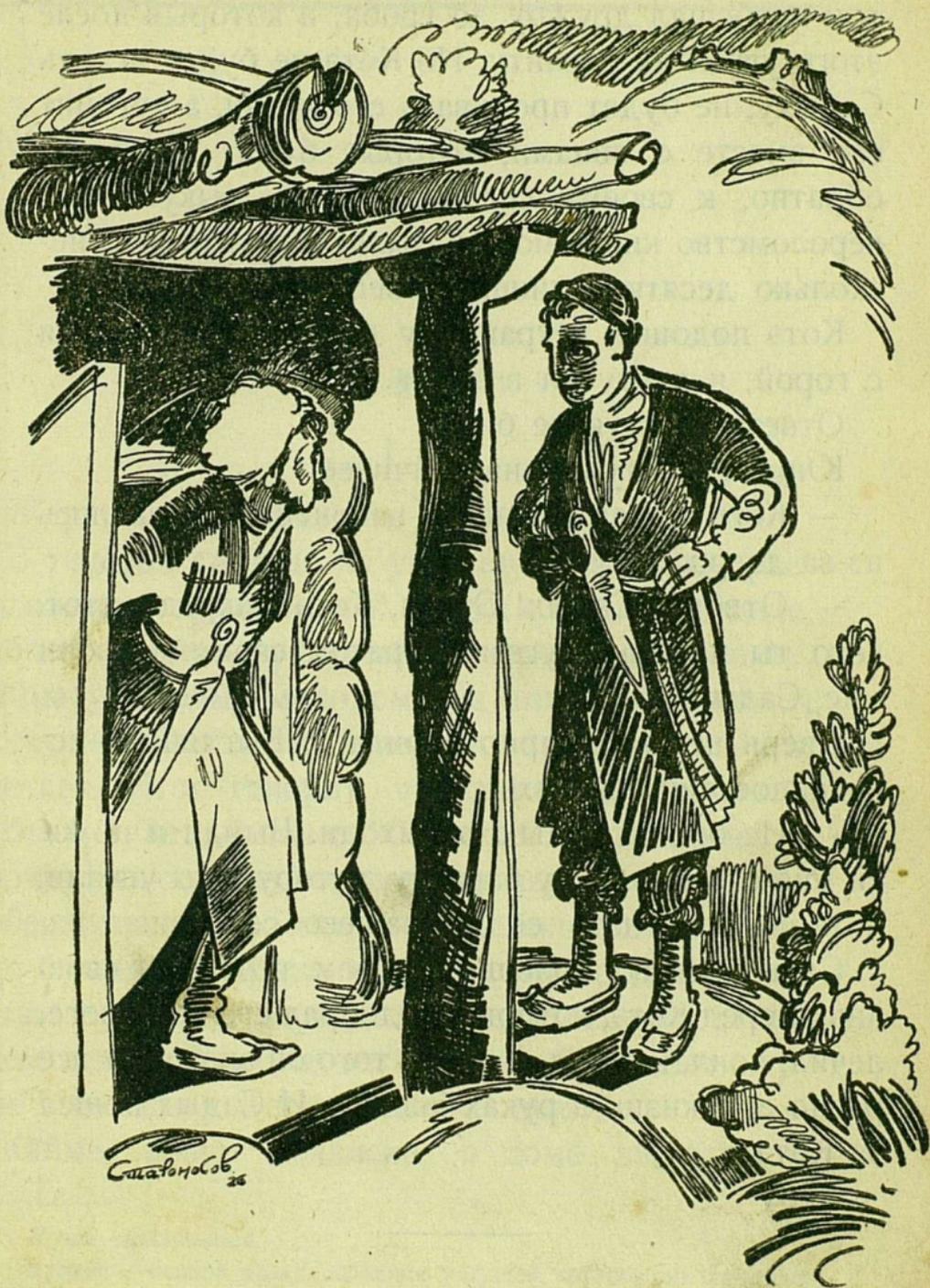
— Добро пожаловать!—приветствовал старый мулла начальника отряда.—По каким делам принес Аллах вас в наше мирное селение?

— Пустое говоришь, старик!—перебил его начальник отряда.—Зачем мы приехали в ваше воровское гнездо, ты и без нас знаешь. Не напрасно мы здесь в горах стоим между кистами и тушинами. Видишь, мы хорошо вооружены, следовательно, мы сильны. Ваши это знают и попрятались. Конечно, мы их можем найти, стоит только хорошенько поискать. Но делать это мы пока не будем. Ты знаешь, что ваши угнали тушинских овец,—так вот мы пришли за ними. Если они сейчас же не будут возвращены, мы отыщем их сами. Смотри, чтобы это не было хуже.

Старый мулла не был глуп.

— Зачем нам спорить?—отозвался он.—Я знаю, что вы—сила. Баранта вам будет возвращена, в том порукой моя седая голова. Только дай срок. Ведь овцы не в кармане у меня.

Пока мулла беседовал с начальником отряда, Котэ отправился к Садыху, тому самому, который несколько дней назад назвал его своим бра-

Сивачнов 26

том и обещал дружбу до гроба, и который после этого угнал их баранту. Но Котэ не будет мстить Садыху, не будет проливать его крови, а погонит его вместе с овцами, которые будут получены обратно, к своему селению, чтобы выкупом за вероломство киста можно было получить еще несколько десятков лишних овец.

Котэ подошел к крайнему домику, слившемуся с горой, и постучал в дверь.

Ответа на стук не было.

Юноша постучал настойчивее.

— Кого Аллах принес?—наконец послышалось из-за двери.

— Отвори, Садых! Это я, Котэ Бакрадзе, тот, кого ты назвал другом и братом своим. Отвори мне, Садых!

Дверь не сразу приотворилась. Выглянуло испуганное лицо Садыха.

— Не бойся, Садых, а выходи. Выйди и помоги мне собрать нашу баранту, которую вы угнали, и помоги догнать ее до нашего селения.

Садых не был большим трусом, и он знал свою вину перед Котэ, который подобрал его на дороге, лечил, поил, кормил, и кроме того он знал, что все равно его жизнь в руках юноши. И Садых пошел за Котэ.

МУША ¹⁾

1

Жаркий до дремности день.

В теневой стороне на углу шумной улицы расположилась кучка мушей. Когда солнце на зените, работы немного у муши, и можно подремать. Каймасу, самому молодому из них, не дремлетя и скучно. Он вытаскивает из кармана деньги и считает. Итог говорит, что день был удачный, и брат будет доволен. Сосчитав деньги, юноша смотрит на солнце, которое еще высоко и не скоро побежит за горы. День впереди большой. Но Каймас больше работать не хочет, он пойдет домой и там может быть увидит Сережу. С этим решением молодой муша встает, перебрасывает куртан ²⁾ на спину и направляется домой.

Каймас живет недалеко, в доме, выходящем

---

¹⁾ Муша—носильщик.

²⁾ Куртан — особое приспособление у мушей, которое они надевают на спину при переноске тяжестей.

на шумную улицу. В том доме, в подвальном этаже, расселилась целая колония курдов ¹⁾. Каймас живет вместе с братом, тоже мушей, который недавно женился на Зейнал, дочери старого курда Раша, торгующего летом льдом, а зимой углем.

Путь до дома короток, но и он в полдневный жар тяжел. Вот и дом. Под воротами ларек. Каймас знает, что у Мамед-Али, турка, торговля идет хорошо, так как, кроме московских товаров, у него есть и другие, контрабандные, торговать которыми воспрещается, но зато за них хорошо платят.

Тут же под воротами отец Зейнал—старый Раша—держит лед. Лед летом так же необходим, как угли зимой, и торговать им выгодно.

Каймас не идет домой,—дома ему все равно делать нечего. Он садится в тени подле ворот на землю. Он знает, что в это время возвращается из школы Сережа, с которым он в самых приятельских отношениях, и, кроме того, в это же время возвращается домой на автомобиле самый богатый жилец их дома. Он часто привозит с собой большие свертки, которые передаются Каймасу, чтобы тот отнес их наверх, в квартиру, за что юноше попадает несколько серебряных монет.

— Ну, как идут дела?—спрашивает мушу Мамед-Али. (Такой вопрос Каймас слышит ежедневно при встрече с владельцем ларька.)

---

¹⁾ Курды принадлежат к древнейшим народам Малой Азии, на Кавказе живут исключительно в Закавказьи.

— Хвала Аллаху! Идут неплохо,—отзывается юный муша, побрякивая монетами в кармане.

Мимо струится человеческий пестрый поток. Вот за ворота выходит Зейнал, нарядно одетая. Зейнал совсем молоденькая, она только на год старше Каймаса, а Каймасу с весны пошел четырнадцатый. Зейнал очень любит наряжаться: из-под ее пышной красной юбки выглядывают белые шаровары; грудь белой кофты богато расшита перламутровыми пуговицами разной величины; на голове белый тюрбан, перевязанный пестрым платком, из-под которого сбоку спускается большая кисть из черного шелка. Нос Зейнал украшен золотой серьгой, как пуговкой, а на руках браслеты из цветных бус. Каймас смотрит на нее, такую пеструю, смотрит на снующую взад и вперед толпу, голова его тяжелеет и неожиданно опускается на грудь.

Бесшумно подкатил автомобиль. Как резиновый мяч, выскочил из него человек в белом костюме, в больших очках в черепаховой оправе. Вот хлопнула за ним дверь. Автомобиль так же бесшумно покотился дальше. А Каймас все спал.

2

Кроме Каймаса с братом и с Зейнал, в доме живет немало людей. Подвальное помещение занимают курды с семьями. Над ними ряд неболь-

ших квартир, связанных общей верандой. Тут живет тоже несколько семей грузинских, армянских и русских. Всех их не очень-то хорошо знает Каймас, только семью учителя Козлова он знает хорошо и больше потому, что с Сережей Козловым они приятели.

Правда, Сережу знают кажется все во дворе

— Сережа! Сережа! Боже мой! Да он опять на дереве.

— Сережа, да не залезай ты, пожалуйста, на крышу!

— Сережа, Сережа, да иди же спать!—только и раздастся целый день.

У Сережи целая улица товарищей. В приятельских отношениях он с Каймасом: даже пробовал учить того русской грамоте, а Каймас давал мальчику надевать свой куртан и учил его своему несложному, но тяжелому ремеслу.

Но в жизни каждого человека бывают перемены. Какая-то перемена, как видел Каймас, произошла и в жизни Сережи. И это юный мушкетер заметил с того времени, как увидел на шее своего приятеля красную тряпочку.

— Зачем она у тебя?—спросил как-то Каймас своего приятеля.

— Ах, ничего ты не понимаешь!—бросил тот на ходу, куда-то спеша.

Красная тряпочка заинтересовала Каймаса, он видел ее на шее у многих мальчиков, вышагиваю-

щих часто стройными рядами по улицам под дробь барабана.

Однажды, выполняя чье-то поручение, Каймас с корзиной за спиной проходил мимо площадки, на которой несколько десятков, а может быть, несколько сотен молодежи, с красными повязками на шее, под музыку и команду маршировали, точно на параде.

Каймас остановился. Сердце в груди его забилося так сильно, сильно. Вот если бы ему бросить свой куртан и чужую корзину и пойти туда, к ним.

— Э! Чего рот разинул!—крикнул кто-то из прохожих и толкнул юношу.

Сердце опять забилося сильно, сильно, но уже от обиды.

Еще раз взглянув на ряды, пестреющие красными галстуками, Каймас быстро и легко побежал вперед со своей ношей.

3

Подвал рано просыпается,—ведь там большинство живущих мужчин—муши, а их работа временем не ограничена, и ее надо ловить, быть к услугам тех, кому они могут понадобиться. Солнце еще только поднимается из-за Нарикальского хребта, и его первые золотисто-розовые лучи бегут по склонам горы Давида, а муши уже занимают закрепленные за собой позиции на людных скрещеннях улиц.

Воздух прохладен. По еще сонным улицам, звонко цокая копытцами, бредут трудоспособные ослики. На их спинах в больших корзинах удобно уложены горшочки с мацони ¹⁾, фрукты, овощи и зелень, на которых еще не обсохла роса. Сзади осликов следуют их хозяева с тонкими прутьями в руках для понукивания животных и выкрикивают:

— Мацо-о-о-ни! Хорош мацо-о-о-ни!

— Ло-о-о-о-биа-а-а ²⁾! Моло-о-о-дое ло-о-о-о-биа!

— Шу-улаверски ³⁾ виино-о-о-гради-и-и!

Они своими певучими голосами нарушают утренний покой улицы и призывают ее к жизни.

Улицы понемногу начинают оживать. Дворники еще лениво подметают вчерашний сор и поливают сухую землю и камни.

— Нафты-ы-ы! На-афт! Ке-е-ероси-и-ни!—оглушительно выбрасывает человек с двумя жестяными бидонами керосина в руках и мчится вдоль улицы, попутно внимательно заглядывая в окна, выжидая, не поманит ли его какая-нибудь хозяйка, нуждающаяся в утренний час в керосине.

— Бу-у-у-у-блики! Свежие бу-ублики!—звонко вторит ему мальчуган со связками свежих бубликов.

Каймас утром не пошел на работу: ему надо

¹⁾ Мацони — простокваша.

²⁾ Лобиа — вид фасоли.

³⁾ Шулаверский виноград — особый сорт, называется Шулаверским по месту его произрастания.

было видеть Сережу и поговорить с ним. Он знал, что сегодня в его кармане не будут звенеть монеты, что брат будет ругать его. Пусть! Но ему нужно видеть Сережу.

— Бублики! Свежие бу-у-у-блики! выкрикивает мальчуган со связкой бубликов, появляясь во дворе, где, в ожидании Сережи, сидит Каймас. На призыв мальчика, обращенный ко всем, желающим утром полакомиться свежими бубликами, еще не закончив своего туалета, стремительно скатывается с лестницы Сережа. Каймас еще издали слышит поспешный спуск своего приятеля с лестницы и направляется к нему навстречу, но Сереже не до Каймаса.

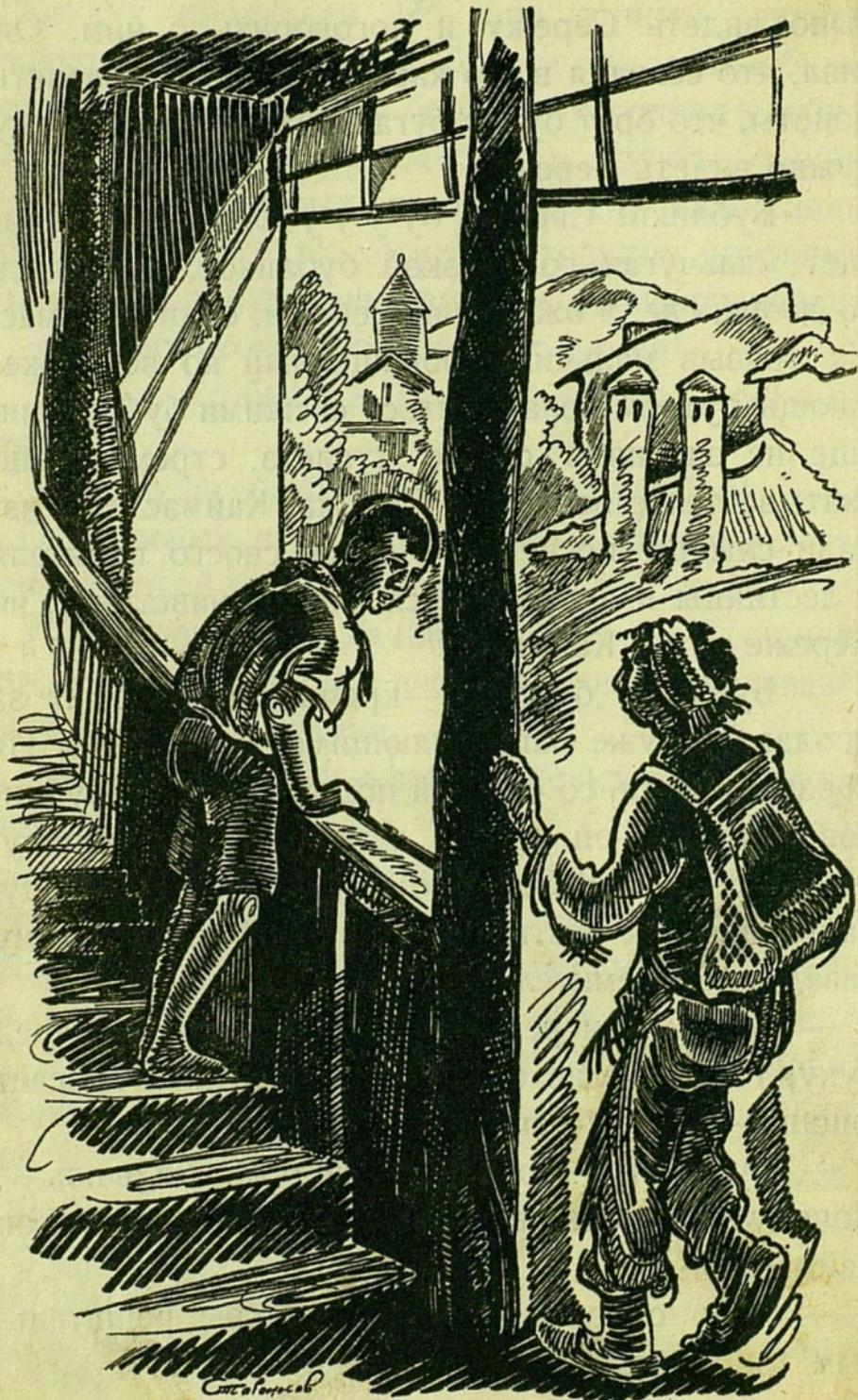
— Бублики! бублики!—кричит он и бежит за продавцом, уже направляющимся к воротам. На обратном пути, со связкой подрумяненных бубликов в руках, он только замечает юного мушу.

— А, Каймас! Здорово!—бросает он на ходу, направляясь к лестнице, с которой минуту тому назад он стремительно спускался.

— Сереж!—нерешительно протягивая вперед руку, точно желая остановить мальчика, бросает юноша.—Сереж!—еще раз повторяет он.

— Ну, что?—останавливается мальчик.— Почему ты сегодня не на работе?—спрашивает он Каймаса.

— Надо с тобой говорить,—более решительным тоном отзывается тот.

С. П. П. П.

— Со мной говорить?—изумляется мальчик и тут же добавляет:—Ладно! Ты вот здесь подожди меня. Я сейчас снесу бублики домой и вернусь к тебе.—И, не дожидаясь ответа, Сережа бежит наверх.

4

Сережа убежал, а Каймас остался внизу и ждал. Шли немногие минуты, но казались ему длинными, длинными. Вот слух юного муши уловил знакомый звук быстро спускающихся молодых ног. Сердце его забилось сильнее.

— Ну, вот и я! В чем дело, Каймас?—уже спрашивает его Сережа и поправляет свой красный галстук, который он уже успел подвязать.

— Зачем он?—спрашивает Каймас, осторожно дотрагиваясь до небрежно завязанного красного платка.

— Зачем?!—удивляется мальчик.—Да ведь я в коллективе! И вот недавно присягал и получил!—И Сережа уже с гордостью оправляет свой галстук.

— Зачем он?—опять упрямо повторяет Каймас, требуя какого-то другого пояснения.

— Ну, как зачем?! Я тебя не понимаю.

— Ну, да—зачем?..

— Зачем?.. Да что тебе, собственно, надо знать? Каймас на минуту задумался.

— Зачем они гуляют с барабаном? Там, в саду, много гуляют.

— Вот чудак! Да это у нас бывают прогулки, экскурсии. Ученье у нас бывает. Да тебе что, собственно, надо?

— Ну, вот!.. гуляете... Ученье... Зачем это делаете?

— Ну, чего ты от меня хочешь?—вдруг возмутился Сережа.—Зачем, да зачем? Ну, разве ты не знаешь, что у совсем больших есть партия, есть комитет, потому что все хорошие люди хотят работать для народа. У молодых, кому ну двадцать лет, есть комсомол. Понимаешь? У них есть тоже свой комитет. Туда принимаются те, кто хочет тоже работать для народа. Не для себя работать, а для других. Понимаешь? И у нас, у совсем молодых, есть тоже свой комитет, называется пионерский коллектив. Мы тоже не для себя, а для других хотим работать. Но мы еще совсем ничего не умеем работать, а только учимся. И вот в нашем коллективе, где мы все вместе, все как братья. Понимаешь? У нас есть старший, вожатый, из комсомола. Совсем как товарищ! Ну, вот он нам говорит, что нам надо знать, что мы должны делать, чего не должны делать. Понимаешь? Он, как тебе сказать, готовит нас к работе больших. Потом учит нас маршировать, равнению в строю. Понимаешь? Чтобы потом, подготовленными, мы могли перейти в комсомольцы, а потом из комсомола в партию. Понимаешь? Хочешь, я тебе книжку дам?

Казалось, что Каймас понял Сережу. Только последнее его предложение о книге как-то обезоружило юношу: ведь он так плохо читает.

— А кто плохо читает, к вам можно итти?— спрашивает он.

— Кто плохо читает?.. Не знаю... У нас, в нашем коллективе неграмотных нет. Трудно ведь плохо грамотному. Уж не хочешь ли ты пионером стать?

Темное загорелое лицо Каймаса осветилось радостной улыбкой, которая тут же померкла.

— Нельзя мне... Читаю плохо... Потом грязный, муша...

— Вот выдумал! Наш коллектив не для белоручек. Читаешь плохо, — научись. Зато потом сколько ты пользы своим курдам принесешь?..

— Сережа! Сережа! Иди чай пить!—врывается в их разговор.

— Так вот Каймас,—уже серьезно и важно говорит Сережа,—если тебе хочется в коллектив, я узнаю, как это можно сделать и скажу тебе. Я знаю, ты парнишка хороший. Ну, я бегу! А то мать будет ругаться.—И Сережа побежал наверх, оставив Каймаса посреди двора с радостной улыбкой, застывшей на его темном загорелом лице.

Боевой марш. Боевые колонны революционной смены. Буйная молодая человеческая поросль, го-

готовящаяся стать настраже интересов трудящихся, готовящихся притти на смену усталым и выбывающим из строя борцам революции.

Боевой марш. Четкая дробь барабана. Алым маком бросающиеся в глаза галстуки. Ослепительно золотая труба.

Молодость вышагивает по улице серьезная, неприступная.

Со знаменем впереди высокий мальчик. Его темное загорелое лицо серьезно. Каждый шаг его—шаг к светлому радостному будущему, победа над темнотой и невежеством. Это—Каймас. Сзади с барабаном не менее довольный и счастливый Сережа. С особым вдохновением он выстукивает по барабану и находит минутку перебраться словечком с важно шагающим впереди Каймасом.

— Каймас! а кто тебе этот галстук сделал?

— Галстук?—Зейнал. Из юбки целый кусок вырезала.

— А брат все ругается?

— Ругается. Говорит, что меньше работать стал. Жадный он! Денег хочет много. Торговать хочет, а я не хочу.

— Темный он человек!—вздыхает Сережа,— а ты, Каймас, молодец!—и он ударяет в барабан что есть силы, точно этим хочет подтвердить, насколько Каймас, муша, курд, действительно молодец.

СИМОН ИЗ БЕЧО

ИЗ СВАНЕТСКОЙ ЖИЗНИ

1

Солнце стоит высоко и щедро бросает жар своих лучей на высокие дома, что послушно вытянулись вдоль улиц, на раскаленные плиты мостовой, на понуро стоящие кругом деревья. Лениво ползут трамваи; точно убегая от солнцепека, мчатся автомобили и, скрываясь на теневой стороне улицы, не спеша бредут пешеходы.

Симон Гульбани, прислонившись к столбу, в тени дремлет. Дежурство на посту в летний зной спокойное, не то, что вечером, когда улица полна народом. Симон служит в милиции постовым. Несколько лет тому назад он пришел в Тифлис из Бечо ¹⁾. Симон — сван. Он высок ростом, сутуловат, широк в плечах. Волосы и глаза у него темные и весь он темный, точно настоящий сын

---

¹⁾ Бечо — селение в северной части Верхней Сванетии.

земли. Был он замкнут, неразговорчив, угрюм, но тем, кто имеет представление о месте его родины, особенности его характера не кажутся странными.

Сменившись на посту, Симон идет в свой район. Там ему говорят, что его разыскивал земляк, только что прибывший из Бечо; что тут, между прочим, говорил, что брат Гульбани—Александр—погиб минувшей зимой.

На другой день в районе стало известно, что Гульбани больше не будет служить, что он уходит в Бечо. Никто из товарищей Симона не знал, почему он несколько лет тому назад оставил родные места, но всем казалось ясным, что смерть брата заставляет Гульбани вернуться в Бечо.

Путь до Бечо нелегок: либо пешком, либо верхом на лошади. У приятелей одна лошадь и та вьючная. Итти надо пешком. Но дорога не казалась тяжелой: для свана привычны горные тропы, расселины, бурные потоки и суровая красота природы. Красота природы не останавливает его внимания,—он не художник, не эстет, он привык жить в борьбе с природой, преодолевая трудности и бесконечные преграды, которые воздвигает она на его пути. Свану не до любования красотами природы.

Путники идут молча. О чем говорить? Обмен мнений излишен. Симон уже узнает, что брат погиб зимой, в бурю, отправившись с соседом в ближайшее селение за ячменем. Вдова брата с

маленьким сыном живут вдвоем. Конечно, Вало трудно, но кое-кто из соседей помогает молодой женщине, и она не жалуется. Это, кажется, все, что надо было знать Симону. Может быть ему еще кое-что хотелось бы узнать, но привычная замкнутость не позволила чем-то поинтересоваться.

Горы, обступавшие долину Риона, поднимаясь все выше и выше, надвигались на реку и тесно прижимали к ней узкую дорогу. Со скал, прорывая груды зелени, падают белой воздушной лентой небольшие водопады. Река с глухим шумом, едва доносящимся снизу, беспокойно бросается из стороны в сторону, точно отыскивает себе дорогу в извилистых горных берегах.

Мягко ступая, впереди идет Полиани, за ним, цокая по камням, идет на поводу лошадь, сзади размерно шагает Симон.

2

Полиани и Симон не только старые приятели, но и родня. Отцы их были женаты на родных сестрах. Но родство, собственно, не в счет: связь была более крепкая,— не зря у Симона не хватает на левой руке пальца. Но об этом не любит вспоминать Симон. А случилось то как раз тогда, когда Александр Гульбани женился. Жена Полиани тоже была чужая, как и Вало, потому-то они

так и не похожи на других женщин Бечо. Полиани помогал тогда Симон, а у Сандро свои помощники были.

После того, как старший Гульбани женился, Симон скоро бросил Бечо и ушел в Тифлис. Дальнего пути не побоялся и ушел. Почему ушел, так никто и не знал. Брату в голову та мысль не западала, что выгнало Симона из родного гнезда. А Полиани догадывался о том, и, вот, когда овдовела Вало, не поленился: в самый Тифлис пошел, чтобы известить друга о смерти брата.

Не легок путь в родные места, но с каждым шагом становится он короче. Тифлис далеко позади, но и до Бечо еще не близко. В дороге время зря тратить не приходится, лишь на отдых и ночлег. Хотя и привычны сваны к горам, но все же ноги отдыха требуют. А чем дальше путь, тем труднее дорога, круче подъем, а тут еще дождь не на радость пошел. На каждом шагу ноги скользят, подворачиваются, камни под ногами разьедаются.

Белой ослепительной стеной прошел перед глазами путников главный хребет. Сотни пик, зубцов и вершин сияли на солнце матовым светом. Но вот дорога потянулась по берегу Ингура, и Бечо не казалось уже далеким. Когда же перед Симоном предстала вдали грозная Ужба, то он почувствовал близость родного селения.

— Симон! — говорит Полиани, неожиданно не

только для Гульбани, но и для себя видимо, выбрасывая давно назревшую мысль.— Симон! а ты теперь Вало в жены взять можешь.— И он останавливается и смотрит на приятеля, будто делает тому какой-то ценный подарок.

Симон останавливается тоже и, взглянув в сторону Ужбы, почти равнодушно отвечает.

— Да. Отчего же? Зимой можно будет...— И снова приятели трогаются в путь, нарушая окружающую тишину лишь цоканьем лошадиных копыт о камни.

3

Огонь в очаге давно уже потух. Мутный свет проникал в небольшое оконце и слабо вырисовывал незатейливое убранство комнаты. Снаружи поют петухи и к их выкрикиваньям примешивается доносящееся из нижнего этажа бляение овец. Утро казалось недалеким.

Симон Гульбани проснулся и прислушивался к звукам извне. В них не было ничего неожиданного, непривычного, но он точно чего-то ждал. Выстрела? Но выстрел в Бечо дело знакомое, тем более, что последнее время участились нападения бандитов. Но и бандиты не беспокоили его. Полиани вчера сказал ему, чтобы он следил за Вало, что несколько лет жизни в селении не сделали его родным для нее.

В соседнем помещении, в пристройке, где спала Вало с сыном, было тихо. Симону вдруг вспомнилась недавняя встреча с невесткой при возвращении домой. В ее светлых глазах, так непохожих на глаза женщин Бечо,—глаза, которых говорят больше, чем язык, он прочитал не радость от своего появления, а страх. И вот за те дни, что живут они под одной кровлей, страх не ушел из глаз Вало.

Дни стояли рабочие. У Симона немало появилось дела, от которого он отвык, живя в большом городе. Дозревал ячмень, надо было его снять. Правда, засев был небольшой, но эту работу он взял на себя, освободив от нее Вало,—у последней много и без того домашних обязанностей. Встречались они мало, разве только за ужином, да утром перед уходом его на поле. О том, о чем настойчиво думалось Симону, о том, что мешало ему сейчас спать, не было сказано Вало ни слова.

Мутный свет, что вползал в помещение, делался прозрачнее и настойчиво говорил о том, что утро приблизилось.

За перегородкой слышалась возня маленького Сандро и тихие окрики Вало. Симон встал, но не спускался вниз. Он знал, что скоро Вало должна будет итти доить корову и выгонять скотину на пастбище. Ведь надо же когда-нибудь сказать то, за чем он пришел в Бечо.

Вало не по доброй воле попала в Бечо и не по согласию стала женой Александра Гульбани. Мало ли с чем приходится мириться женщине! Но мириться не значит простить и забыть. Не забыла Вало прошлое. Неожиданная смерть мужа избавила от немилого человека, дала возможность вздохнуть и проясниться думам. Чужая она была в Бечо. Даже маленький Сандро не сблизил ее ни с новыми людьми, ни с новым местом. Чужая и не похожая на других. И то, что не была она похожа на других женщин, Бечо мешало ей и раньше жить, а со смертью мужа явилось еще большей помехой. А как приехал Симон, о котором несколько лет не было вестей, и как только посмотрела она на него, то почувствовала страх к нему, тот страх, который связывал ее при жизни с Александром.

По старым обычаям Бечо, вдова выходит замуж за брата мужа, если тот не женат. Симон брат Александра, это—одно. Другое, если он сам об этом еще ничего не говорил, то кругом о том шли разговоры. И в тех разговорах не было для молодой женщины никакой радости. Трудно жить в Бечо без мужа, но не всякий муж несет счастье.

Вало еще молода и ей хочется радости. Но она знает, что радость не в Бечо, а там далеко, вести откуда получают не часто. Но в них есть то,

что заставляет замирать сердце и кровь приливать к смуглым щекам.

Уже солнце поднялось где-то из-за гор, и Бечо зашевелилось, когда Вало вышла из своей клетушки и, таща за руку Сандро, быстро спустилась в лоб ¹⁾.

В нижнем этаже, в гвили ²⁾, корова и овцы. Симон знает, что у Вало сейчас много дела, да и ему надо спешить на поле. Захватив с собой хлеба и сыру, он уходит, решив вечером, после работы, поговорить с невесткой.

5

Солнце не любит Сванетию, недолго в самые жаркие дни балует оно ее своею ласкою.

Симон вернулся домой, когда земля остыла после недолгой солнечной ласки. По узкой улице шли вразброд скот и люди. Подле своего дома он заметил лошадь с вьюком. Лошадь была незнакомая.

Во дворе Вало разговаривала с высоким стройным мужчиной с узко перетянутой талией. Был он неизвестен Симону и не похож на всех тех, кого он знал. Подле матери, на земле, играл маленький Сандро.

Завидя Симона, Вало быстро отшатнулась от

---

1) „Лоб“ — выход в нижнее помещение дома.

2) „Гвили“ — место для скотины в нижнем помещении дома у сванов.

незнакомца, и тот поспешно покинул двор. Неприятным показался он Гульбани, точно вор.

— Что надо ему?— спрашивает Симон, подходя к невестке.

— Ячменя нет ли лишнего. Сами у соседей, говорю, брали. Где тут быть лишнему ячменю.

Стоит перед ним Вало и своими светлыми глазами смотрит прямо в его глаза. И нет в них страха. И Симон говорит о том, о чем так давно думает.

— Вало!— говорит он,— когда справим поминки по Александру, я на тебе женюсь.

Опять страх бежит из глаз женщины, низко опускается ее голова.

— Зачем я тебе, Симон!— говорит она.— Найди себе другую жену, лучше, моложе. Вот у Маргвилиани Маро. Дадут за нее двух быков и овец...

— Зачем мне быки? Я сам, если захочу, пригону трех. Глупый я, что ли? Захотел тебя в жены с того дня, что увидел.

— Не надо меня неволить,— просит она.— Что радости в жене, которая неволей взята? Возьми другую, молодую, что согласной женой будет.

Смотрит Симон на Вало. Не та уже она. Волосы были, что рожь, когда созревает, и кольцами на лоб падали. Спина погнулась, грудь ввалилась. Только глаза остались прежними. И все же нет лучше Вало во всем Бечо. Не надо ему другой жены, кроме нее. Долго ждал, но все же дождался.

Симон подходит к маленькому Сандро и берет

его на руки. Мальчик не привык еще к дяде и начинает реветь. Слезы бегут по его грязному личику, так похожему на лицо матери.

— Ну, что ты, что? Ведь не чужой, а родной. Видно вам с матерью надо время дать, чтобы привыкли ко мне. Что же! Много ждал, теперь не долго ждать придется.

6

Есть в Бечо исполком, есть и милиционеры, которые ограждают порядок и ведут упорную борьбу с бандитами. Бывают волнения в Бечо и по другим причинам. Нередки еще случаи похищения женщин и кровавой мести. Крепки еще здесь традиции старины, и дух их слабо изживается. За высокими горами скрыта Сванетия. Вдали большой дороги лежит Бечо.

Дневная жизнь затихла. Замер последний звук чунира ¹⁾. Умолкла песня. Узкие улицы темны и безлюдны, лишь приведениями сереют по сторонам узкие башни. Небо темное, далекое, утыкано бесконечным количеством золотых гвоздей. Золото то живое, оно мерцает и переливается. В домах у очага заканчивают ужин после трудового дня и готовятся ко сну.

Бечо спит. Заснул Симон, но не ложилась еще

---

1) „Чунир“ — музыкальный инструмент, род скрипки.

Вало. Она чутко прислушивается к окружающей тишине и ждет, ждет, когда Симон крепко заснет и захрапит. Она знает, что тогда сон его крепок.

Вало предстоит трудная ночь и главным образом потому, что не одна она, что связана она по рукам и ногам маленьким Сандро, который еще ничего не понимает. Связь кровная, от самого сердца идет.

Время ползет, как ленивый человек в гору. Вало—вся слух, вся ожидание, хотя знает, что, пока нет луны, ждать все равно нечего.

В очаге тлеют уголья и бросают слабый отблеск на комнату. Она нарочно больше их положила, чтобы легче было спускаться в «лоб». Самое трудное это спуститься вниз с мальчиком. Вся надежда, что ребенок крепко спит. Но все равно, Вало решила, что уйдет и назад живой не вернется: не зря за поясом у нее кинжал.

Отвесные лучи луны уже заглянули в комнату, когда Вало спустилась вниз. Недаром выросла она в горах и привыкла лазить по ним.

Луна вылезла из-за гор и медленно ползла вверх. Кругом так тихо, что слышно каждый шелест. И Вало скорее чувствует, чем слышит, где-то далекое мягкое цоканье копыт о землю.

Несколько раз пропел петух. Как эхо, отозвался у соседей другой, которому где-то ответил третий. Вдруг неожиданно заржал жеребец, уга-

дывая приближение лошадей. У Вало затекли руки от долгого неудобного держания Сандро, но она уже знает, что помощь близко. Собирая последние силы, она выходит за ворота: двое верховых приближаются к ним.

7

Когда Симон проснулся, то ему припомнилось, что ночью опять стреляли. На очаге еще тлели угли. Снизу тянуло холодком.

Он быстро спустился в «лоб». Ему показалось странным, что нижнее помещение не заперто, и овцы бродят по двору. Небо было хмурое и обещало дождь.

Симон вышел на улицу. Селение только что просыпалось и оживало. Мимо шел милиционер Емухварзе. Поздоровались.

— Что ночью опять бандитов ловили?— спрашивает того Симон.

— Какой бандитов! Женщину увезли. Не знаю только чью. А может быть и не нашу. Двое были. Один вот только знакомым показался. Лошадь у него уж очень хорошая, таких у нас нет. Как-то тут чужой один несколько раз проезжал, так совсем его лошадь.

— Не догнали?— спрашивает Симон, что-то припоминая.

— Где догнать! Только попугали. Если наша

женщина, то ловко дело сделали. С согласия, видно, увозили. А у кого увезли, еще и не хватились.

Симон вдруг забеспокоился. Он идет во двор, поднимается на верх. В помещении Вало тихо. Он открывает дверь: ни Вало, ни Сандро нет. Это Вало увезли! Она сама ушла. Недаром Полиани советовал следить за нею, недаром был здесь тот на незнакомой лошади! Нет! Симон не оставит это так! Он постоит за себя и за брата. Не для того он ее ждал несколько лет, чтобы из-под носа у него увезли ее! Глупый он! Сто раз глупый, что позволил женщине обойти себя! Чужая была, чужой и осталась и посмеялась над ним! Самое главное — посмеялась! Как сказать соседям? Как показаться на глаза Полиани?.. Симон должен отыскать Вало и только с нею вернуться в Бечо. Если он не найдет ее, он уйдет обратно в Тифлис. Но прежде он будет искать ее. Она там, где несколько лет тому назад он потерял палец. У него есть лошадь. У него есть ружье. А здесь у него останутся друзья.

Винтовка осмотрена, она в порядке. Лошадь оседлана. Жалобно мычит корова, но это Симона не беспокоит. Он точно забыл, что у него на руках хозяйство, скотина. Ему не до того. Вот он на лошади. Он мчится туда, откуда несколько лет тому назад брат привез Вало.

В срочных сборах и быстрой езде Гульбани не заметил, как портилась погода. Скоро густой влажный туман властно царствовал всюду. Точно какие-то злые духи восстали против Симона, и невидимо сонмище их встало на его пути. Привычная ко всему лошадь упрямылась, фыркала и нервно поводила ушами. Симон терял возможность различить, в каком направлении он движется. Злоба душила его. Он знал, что, благодаря непогоде, он упустит Вало. Он знал также, что, как ему ни знакомы горы и пролегающие в них тропинки, в такой туман они делаются чужими и недоступными.

Гульбани слез с лошади и от злости начал стрелять куда-то в пространство: не то в туман, не то в ушедшего вдаль врага. Глухо щелкал курок, и эхо не бежало навстречу выстрелу. Лишь тихо ржала лошадь, точно упрекала хозяина в безрассудстве.

Первая осечка заставила Симона немного опомниться. С каким-то диким криком отшвырнул он от себя винтовку и повалился, не чувствуя ни остроты придорожных камней, ни липкой влажности тумана. Долго лежал так Симон, до тех пор, пока злоба его как-то притупилась и заговорил голос желудка. Была ночь. Сквозь туман, над головой, стояла луна.

Невдалеке, в колючем кустарнике можжевельника лошадь искала себе еду. Тут Симон вспомнил, что в спешке он не запасся едой. К чувству голода примешивалась острая жажда. В горах воды много, но ее надо найти. Место казалось незнакомым. Тусклый свет луны был неподвижным.

Когда поблизости был найден родник, и жажда была утомлена, чувство голода немного уменьшилось. Двигаться вперед не представлялось возможности, надо было выждать, когда уйдет туман. И тут же встал вопрос: куда двигаться?

Голова Симона не была привычна к думам и размышлениям. Все поступки решались им либо под тем или иным впечатлением, наспех, либо в силу традиций. Но тут, в длинную ночь под покровом тумана, негодуя на врага, похитившего Вало, попутно в голове Симона пронеслась вся его жизнь, включая и последние годы работы в Тифлисе, так непохожие на жизнь в родной Сванетии, к которой даже еще не проложена настоящая дорога. Какая-то неясная обида за оторванность от людей родилась в его душе и с горных безлюдных высот его вдруг потянуло на шумную нарядную улицу... В памяти воскрес облик Вало, но уже не прежней Вало, волосы которой были, что рожь, когда созревает. Спина погнулась, грудь ввалилась... И что толку в том, что он помчится

в то селение, откуда была Вало? Что сделает он один? И там ли она?..

И думы шли нестройно, вразброд, перебивая одна другую до тех пор, пока на смену им не пришел тяжелый сон.

9

Солнце стоит высоко, но лучи его не так уже горячи и люди не прячутся от них на теневой стороне. Некоторые деревья покрыты золотом, но наряд их не праздничен, не пышен, и сквозь листву проглядывает бирюза неба.

Симон Гульбани опять на прежнем посту. Мимо мчатся автомобили, звенят трамваи, снуют пешеходы. Надо смотреть в оба глаза и следить, чтобы не нарушался порядок на шумной улице. Вот на ходу впрыгивает в трамвай человек и не хочет из него уходить. Трамвай останавливается. Симон должен подойти, узнать в чем дело.

Симон Гульбани все такой же. Разве немного больше потемнел, чем был, как будто, в недавние жаркие летние дни.

— Что же ты, Симон, недолго у себя погостил? Иль недоброе наследство брат оставил?—спрашивали его товарищи по району, когда он вернулся.

— Зачем мне наследство, когда я работать могу?

— Ну, а как там у вас в Сванетии живется? Хорошо или плохо?

— Плохо. Темный народ еще живет в Сванетии. Даже хорошей милиции в Бечо нет.

Ничего другого о жизни в Бечо от Симона услышать не удалось. И если товарищи по району предполагали, что смерть брата заставила Гульбани так неожиданно бросить службу и уйти в родную Сванетию, то появление его обратно верхом на лошади и с винтовкой за плечами еще больше было неожиданно и непонятно для них.

С М Е Н А

из гурийской жизни

1

Поезд останавливается сильным толчком. Толчок сгрудил столпившихся у выхода из вагона пассажиров. Покачнувшийся Гогенешвили наступил на ногу оказавшегося сзади него человека. Сконфуженно извинился.

— Пожалуйста! Виноват в том машинист. Должно быть неумелый.

Недолгая стоянка заставляет спешно оставлять вагон. Было раннее утро. Солнце только что показывалось со стороны гор. Небольшая станция и примыкающее к ней селение лишь просыпались. Здание вокзала оживлял только один человек в форменной фуражке. Когда им, поспешно один за другим, были даны второй и третий звонок, и поезд двинулся вперед, Гогенешвили облегченно вздохнул: ведь он был в родных местах. Где-то близко, за полосой кукурузных полей, катил

свои воды Рион; впереди, за рядом гор, скрывалась родная деревня.

Оглянувшись, среди немногих спутников, Гогеншвили увидел человека, которому он наступил в вагоне на ногу.

— Вам знакомы эти места?—спросил тот его.

— Прекрасно! Вырос в этих местах. Верстах в двадцати, за горами, родная деревня, куда я и иду.

— Вот как! А я почти что первый раз здесь. Вы пешком к себе?

— Да, думаю, если спутника найду. Одному скучновато будет.

— Знаете что,—через минуту обратился тот к Гогеншвили,—если вам безразличен спутник, то я пойду с вами. Я здесь на положении туриста, и ваше общество, как знакомого с местом, мне будет и полезно и приятно. И он назвал свою фамилию.

— Что же, идемте. Дорога здесь чудесная. Только прежде надо немного закусить. Если память мне не изменила, тут есть духан ¹⁾, и старый Сандро Ломинадзе нас голодными не отпустит.

Гогеншвили взял свой легкий багаж и зашагал через рельсы к селению. Тот, другой, последовал за ним. С первой минуты столкновения он возбудил любопытство в Гогеншвили: костюм

---

1) Упрощенный вид ресторана.

рабочего не гармонировал со всем его обликом интеллигента. Минутами казалось, что он что-то скрывает.

Небольшая улица с двумя рядами построек. Все больше лавки. Парикмахерская. По изобилию фруктов чувствуется разгар лета. Улица просыпалась и принимала деловой вид.

2

Гурийцы считаются самыми передовыми среди других народностей Грузии. Среди гурийцев почти нет неграмотных. По природе своей гурийцы революционны. В студенческие годы Серго Гогеншвили был эсером. Потом оставил политику и всецело отдался истории родного края. Многочисленная семья Гогеншвили, в родственном своем составе заполнившая небольшое горное селение, насчитывала представителей всех революционных течений. Среди родных Серго было не мало, погибших за свои убеждения.

Хорошая беседа в дороге, что стакан доброго вина за столом. Спутник Серго оказался интересным собеседником. Был он хорошо осведомлен в политических вопросах. О современном положении выражался сдержанно. Его мингрельская фамилия—Цуруа Гогеншвили ничего не говорила.

Когда солнце стояло уже высоко, спутники под-

нялись на Сабиндилия ¹⁾, где не чувствовалось так сильно ласка летнего солнца. Впереди, на юг, тянулось несколько горных цепей. Вдали, на общем фоне их, резкой чертой заканчивалась хвойная растительность, за которой шла полоса альпийских лугов. Вершины дальних гор белели. На западе блестела то золотом, то серебром полоса воды у Черноморского побережья, и светлой лентой извивался Рион.

— Не правда ли, как хорошо?—восторженно бросает Гогенешвили, усаживаясь под деревом.

— Прекрасно, но...

— Что но?

— Но все это чуждо цивилизации. Мы с вами идем пять часов, когда это расстояние можно победить в несколько минут.

— Погодите. Всему свое время.

— Долго же нам с вами придется ждать такого времени без дружеского вмешательства.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного... Подумайте только о том, что мы сейчас очень бедны, несмотря на все наши богатства...

Юго-восточный край гор окутывался тучами. Дальние гребни уже спрятались за лохмотья их. Яркость летнего солнечного утра тускнела.

---

¹⁾ Сабиндилия — место, где дует ветер (буквальный перевод).

Большинство гурийских деревень живописно разбросано либо среди гор, либо по берегу шумливых рек. Красивое местоположение их далеко не создает благоприятных условий для экономического их процветания. Обрабатывать землю приходится с большим трудом. Да и не каждый клочок земли бывает пригоден даже для засева кукурузы. Скот хороший в этих местах не водится из-за отсутствия удобных пастбищ, если не считать дальних, в полосе альпийских лугов. Главный источник дохода гурийского крестьянина фрукты, особенно виноград, а также табак.

Не богато жила и родная деревня Серго.

На склоне гор уютилась усадьба Гогенешвили. По середине двора стоял старый дом отца. Ближе к лесу построился муж старшей сестры Маро—Павле; переднюю часть двора занимал незаконченный постройкой дом брата Серго, который после меньшевизма эмигрировал во Францию.

В старом доме жили старики и младшие дети: голубоглазая в мать Тамара и неугомонный пятнадцатилетний Ваню, который на лето из школьника и активного члена коллектива пионеров превратился в пастуха. Нижнее помещение дома, обычно нежилое, приспособили для жизни Серго и Цуруа.

Привычный и закрепленный веками долг госте-

приимства ввел Цуруа в семью Гогенешвили. Войдя в нее, он сумел быстро получить расположение большинства. Лишь шумливый Вано отнесся к Цуруа критически.

— Откуда ты его выкопал? — спрашивал он брата.

— Ехали вместе из Тифлиса. Да тогда я его, собственно, и не видел... От станции сюда шли вместе.

— И подружились?

— Ну, до дружбы еще далеко... Человек в первый раз в Гурии. Интересуется... Ведь наш, не чужой. Места за столом не просидит.

— Куда он все бегает?

— Спроси, если тебя это интересует.

— А ты веришь в то, что он — рабочий? Врет!

— Почему ты так думаешь?

— А я его вчера спросил, какого он цеха. Говорит — слесарного. Я тогда ему говорю, что у отца ружье охотничье сломалось и нужно, чтобы слесарь его починил. Так не сможет ли он его починить, так как наш слесарь неважный. Он говорит: я тоже неважный. Врет! совсем он не рабочий.

4

Серго казалось, что нигде в мире нет такого изобилия уютных уголков, как подле родной деревни. Все в окружающем напоминало ему так

много приятного из прошлых лет. Наслаждаясь деревенской жизнью, он как-то не заметил дружбы Цуруа с Павле и того, что у Цуруа завязались какие-то тесные отношения со многими из их селения.

Усадьба Гогенешвили была замкнута узким кольцом плетня. Но тот плетень был так низок, что даже свиньи пренебрегали такого рода забором. Перешагнув через него в наиболее удобном месте, Серго сразу попал на узкую дорожку, которая бежала вниз к шумливому ручью, в котором было устроено нечто вроде запруды для купанья. Насвистывая какой-то мотив, Серго быстро спускался, стараясь не задеть бесшумно пересекающих его путь скромных ящериц.

В стороне от дорожки, в кустах рододендронов, Серго заметил притаившуюся фигуру Ваню. Тот, заслышав шаги и свист, обернулся и сделал знак брату подойти. Заинтересованный Серго, осторожно продвинулся к Ваню и опустился подле. За кустами шел небольшой обрыв, внизу которого была котловина с навороченными временем камнями. На этих камнях сидели Цуруа, Павле и еще один, неизвестный Серго, человек.

— Я нисколько не сомневаюсь, что все должно пройти благополучно. Для меня ясно, что большинство пойдет с нами. При захвате всего района помощь извне будет оказана сейчас же,—говорил Цуруа.

— Откуда у вас такая уверенность о помощи извне?—спрашивает неизвестный.

— Без наличия такой уверенности было бы безрассудно начинать всю историю.

— Я не верю в такую помощь,—после некоторого молчания заговорил и Павле. — Возможен ли также захват всего района? Где силы для того?

— О! Это меня не пугает. Силы будут. Последнее время, с весны, я успел побывать в очень многих местах, и моя разведка дала благоприятные результаты. Теперь мне надо двинуться дальше, обеспечив здесь надежное руководство. В Верхнем Селении будет Павле. В Нижнем—я хочу, чтобы были вы.

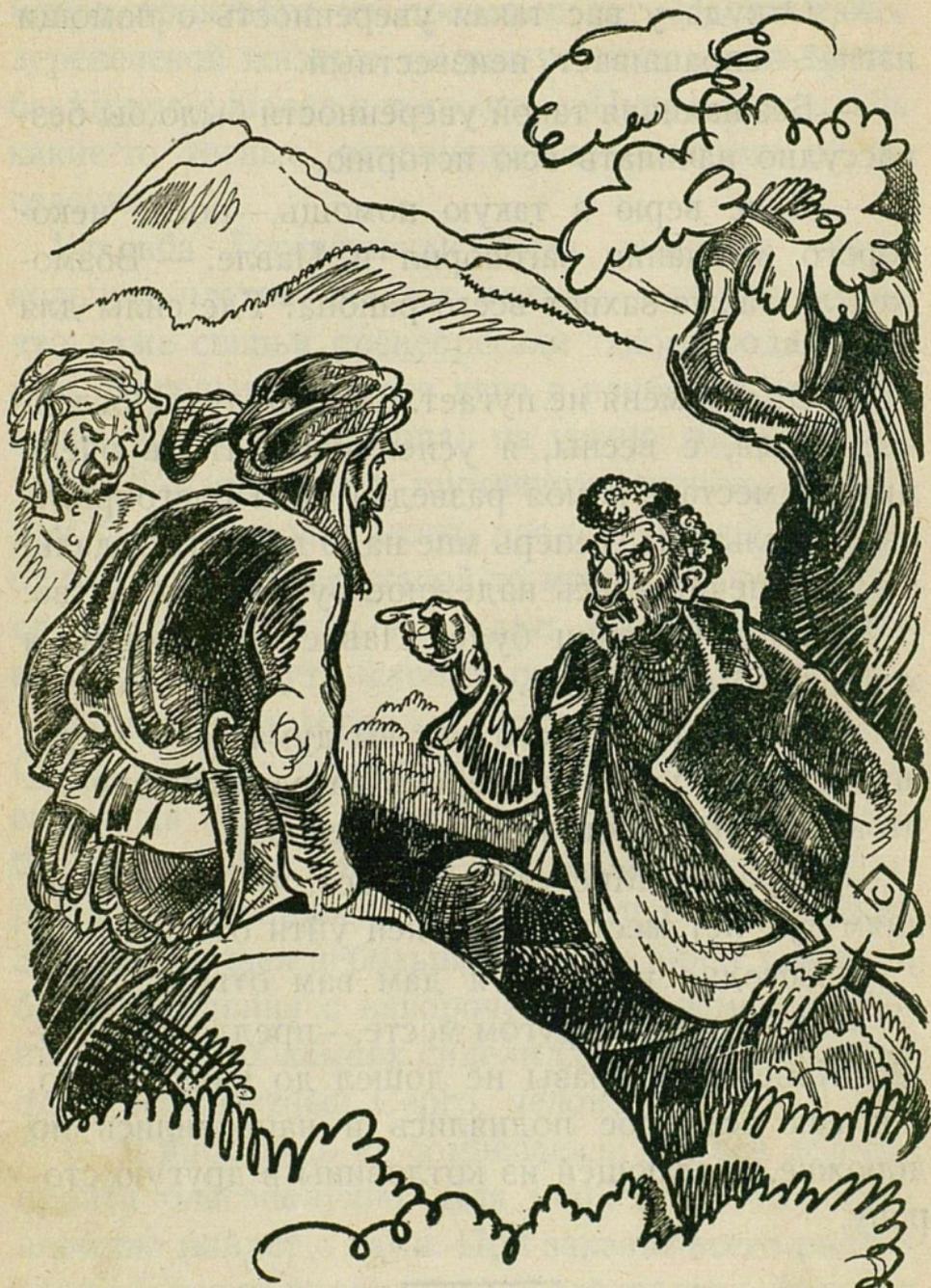
— Это не так просто, как вы думаете, и я прошу дать мне некоторое время на размышление,—отозвался неизвестный Серго человек.

— Странно! Мне уже казалось, что размышлениям тут нет места. Я должен уйти отсюда.

— Сегодня вечером я дам вам ответ.

— Но только в другом месте,—предложил Павле.—Конец его фразы не дошел до ушей Серго, так как все трое поднялись и направились по дорожке, убегающей из котловины в другую сторону.

---

malotralab

Братья некоторое время молчали. У Серго вдруг оформилось многое неясное в облике Цуруа, и личность последнего приняла в его глазах характер героя. Но не так реагировал на все Ваню.

— Я же тебе говорил, что он вовсе не рабочий! Он какой-то шпион! Он хочет сделать восстание!—пылко начал пятнадцатилетний мальчик.

— Погоди! Погоди!

— Ничего не погоди! И Павле такой же шпион и тоже за восстание. И они хотят свергнуть советскую власть. Понимаешь ли! Я сейчас же пойду в нашу сельскую ячейку и скажу, чтобы их арестовали.

Т а

— Постой, Ваню! Не горячись! Я сегодня же поговорю с Цуруа и Павле и все выясню. Зачем нам примешивать ячейку и делать большие неприятности. Я уверен, что ты все преувеличиваешь.

— Совсем не преувеличиваю. Ты слышал, о чем он говорил! А я уж не раз слышал их разговоры: не зря я за ним слежку устроил. Ну, а теперь надо уже и действовать.—И Ваню вышел из-под рододендронов и погрозил своим небольшим кулаком в сторону ушедших. И во всем его облике, в его сверкающих глазах Серго почувствовал не пятнадцатилетнего подростка, преобразившегося на лето из школьника в пастуха, а

представителя каких-то новых веяний новых молодых сил, который встает на защиту своих убеждений, взглядов, чаяний.

— Ваню!—уже другим тоном продолжал Серго, направляясь по той же дорожке обратно к дому.— Я думаю, что самым лучшим будет сделать вот что: мы сегодня с тобой поговорим с Цуруа и Павле. Должны же они, наконец, понять, что всякое восстание сейчас просто глупо, что оно ни к чему не приведет. Советская власть сильна и толкать сейчас людей на восстание просто преступно. Правда, в нашей жизни еще достаточно недочетов, но их надо изжить мирным путем.

— Ну, что толку в твоих разговорах? Цуруа уйдет отсюда, пойдет в другое место и там будет делать свое дело.

— А ты хочешь, чтобы его арестовали? Чтобы арестовали Павле? Ведь Цуруа наш гость.

— Я знаю, что это нехорошо. Ну, а как же иначе? И зачем он только пришел сюда! Я его ненавижу! Он не посмеет сделать восстание...

И по мере разговора с братом, случившееся событие для Серго принимало характер чего-то большого и зловещего. И вместе с тем Серго чувствовал, что исход событий будет всецело зависеть от Ваню, еще недавно совсем ребенка, и как-то сразу превратившегося в полноправного члена общества.

Серго весь день чувствовал себя отвратительно. Он не мог найти необходимой линии поведения. Ваню еще до обеда исчез. Не было также дома ни Павле, ни Цуруа. Говорить с матерью о всем случившемся он не решался.

За ужином, неожиданно для Серго, собрались все, даже Ваню. Настроение у всех было, как будто, хорошее. Павле принес кувшин старого вина и усердно всем подливал. Тамара, с легкостью молодой козочки, носилась из старого дома в дом Павле, где обычно готовили, за новыми кушаньями,—в доме знали, что Цуруа завтра уходит. Надо было для последнего ужина постараться для гостя.

— Завтра пораньше надо будет двинуться. Пойду на Чахатаури. Совсем не думал, что так долго загощусь у вас,—говорит Цуруа.

— Что же вы будете делать в Чахатаури?

— Делать я там ничего не буду, а только посмотрю, куда оттуда мне дальше двинуться.

— И долго вы будете так бродить?

— Да пока солнце горячо, буду бродить. Такую уж я себе нынче цель поставил.

— А работать когда начнете?—бросает Ваню.

— Работать?.. Надо, чтобы лень моя немного поостыла. А пока солнце горячо—этого не случится...

Над селением небольшой клочок звездного неба, замкнутого горами. Светловатой полосой лежит на нем млечный путь.

Ужин кончен. Цуруа прощается и благодарит радушных хозяев за гостеприимство.

— Завтра рано пойду. Не увижусь.

Когда очередь доходит до Ваню, тот говорит.

— Ну, а я еще с вами увижусь. Хочу проводить вас немного.

7

Перед тем, как лечь спать, Серго долго сидел подле дома на сваленном дереве. Воздух был свеж, небо звездно, кругом царила тишина. Сидел и думал все о том же: о Цуруа, о Ваню. Главное о Ваню. Ясного в его думах ничего не было. Но было беспокойство.

Неслышно подошел Ваню.

— Где Цуруа? — садясь подле брата, спросил он.

— Спит,—односложно и как-то нехотя отозвался тот.

— Я был в нашей ячейке,—вдруг уронил Ваню.

— И что же?—как эхо, задал вопрос Серго.

— Слушай, Серго!—поспешно заговорил мальчик.—Я знаю, что выдавать гостя нехорошо. Но что же могу я сделать, видя в Цуруа врага? Да, он враг, в том не может быть сомнения. Он хо-

чет восстания. Он хочет свержения советской власти, лучше которой нет власти в целом мире... Ты здесь не при чем. Твоя встреча с ним случайная. Может быть было бы хуже, если бы он попал в другую семью... Пусть это не хорошо, но Цуруа надо убрать. Павле без Цуруа скоро образумится,—он очень ленивый... Я рассказал в ячейке, что Цуруа хочет сделать восстание. Они его возьмут по дороге в Чахатаури. Я не хотел, чтобы они делали это у нас дома... Утром я пойду его провожать и по дороге его возьмут... Я знаю, что ты мною недоволен, но иначе я поступить не могу...

Опять сидели молча.

— Я все же не пойму, Ваню, почему ты всю эту историю так близко принял к сердцу?—вдруг спросил брата Серго.

— Почему?.. Да потому, что Цуруа хочет сделать восстание, хочет свержения советской власти.—Мальчик с минуту помолчал.—Ты, Серго, все еще смотришь на меня, как на маленького, будто я ничего не понимаю, что мое дело учиться, либо играть в футбол. Ты очень ошибаешься. Я кое-что понимаю. Я знаю, что такое советская власть. Я знаю, к чему стремится коммунистическая партия. Я знаю, что советская власть уже сделала и что она сделает в будущем. И нас, ребят, она тоже не забыла. Так скажи мне, Серго, могу ли я Цуруа не считать врагом?

Опять сидели молча. Вдруг предрассветную тишину нарушил недалекий выстрел.

— Что это такое?—вздрогнув, спросил Серго.

— Это знак, что мне пора будить Цуруа. Скоро рассветает, и через час мы должны встретиться с двумя товарищами из сельской ячейки.—И Ваню пошел будить гостя.

8

Серго лег, когда Цуруа и Ваню ушли. Он не пошел их провожать: хотелось спать и было опасение попасть в какую-то передрагу. Спал он не долго и тревожно. Снилось ему, что пришли двое каких-то молодых людей, из которых один оказался Ваню. Они надели на Цуруа черный балахон, на спине сделали надпись «наш враг» и пошли его расстреливать. Потом он опять видел Цуруа, который упрекал его за то, что он с Ваню предал его, своего гостя.

Гогенешвили, видимо, разбудила звонкая песня Тамары. Где-то совсем близко, над головой, девочка беззаботно напевала. Серго быстро встал, ему вдруг показалось, что все нависшие неприятности уже изжиты... Подпевая Тамаре, он вышел во двор. В тени большого дерева лежала старая Джигориа. Важно волоча свои хвосты, бродили по двору глупые индюшки.

— Тамара! Ваню дома?—спросил он девочку,

которая подметала балкон. Та на минуту остановилась.

— Не знаю. Не видела.—И после краткого ответа продолжала свое незатейливое дело.

Серго пошел купаться.

На обратном пути, освеженный холодной водой, наслаждаясь радостью собственного существования, Гогенешвили вспомнил Цуруа, возможно уже арестованного. Попутно встал облик Ваню, так выросшего в его глазах за последние дни. Захотелось увидеть его и расспросить о том, что случилось утром.

— Ваню!.. Ваню!..—несколько раз крикнул он, предполагая, что зов его дойдет до ушей брата. Но кругом было тихо.

Перешагнув плетень, Серго подошел к дому Павле. В задней части его, где находился очаг, он встретил мать и старшую сестру. Маро разводила огонь в очаге, а мать готовила тесто для мчады ¹⁾).

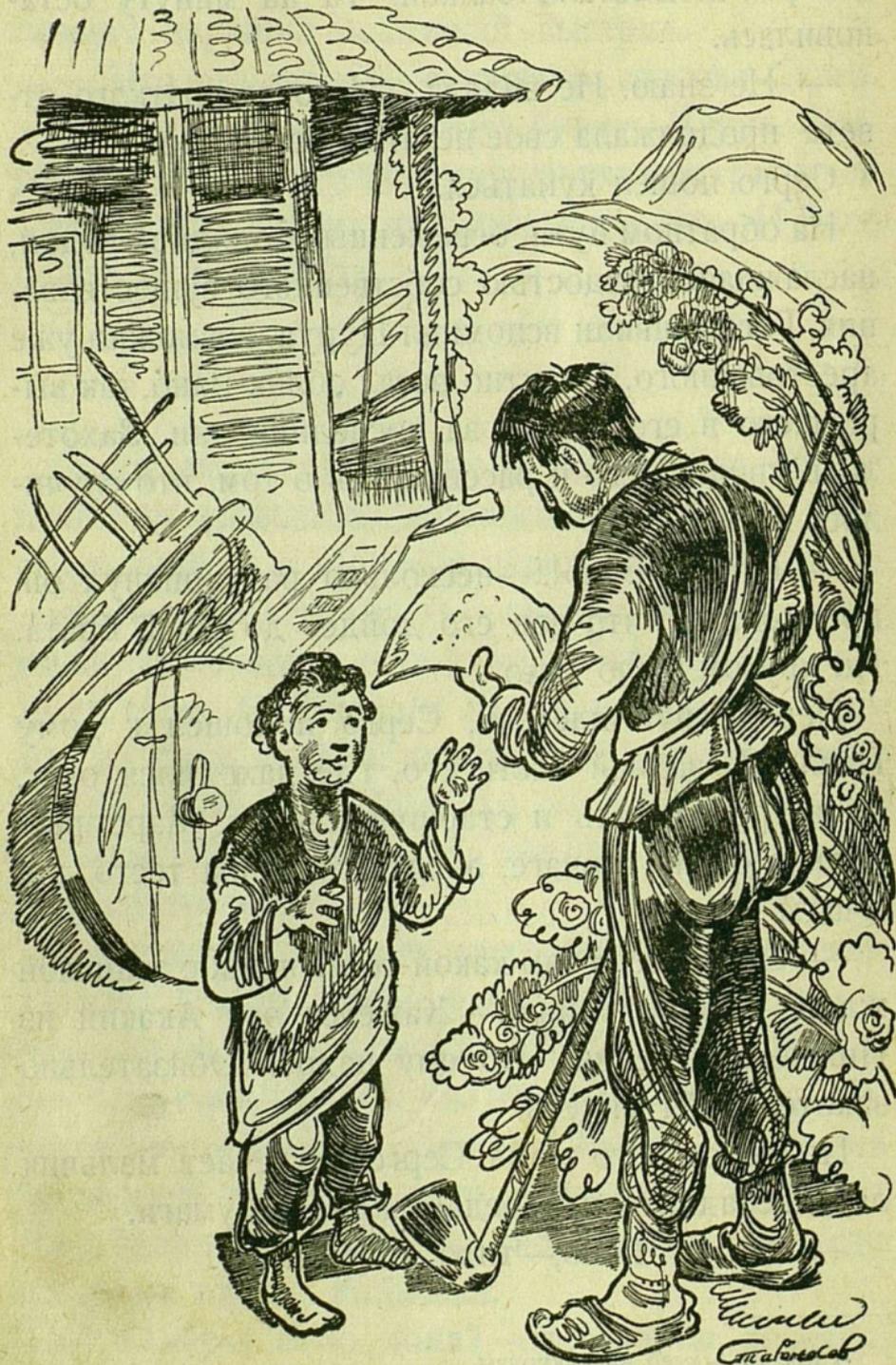
— Серго! тебя там какой-то мальчик с запиской ждет,—говорит Маро.—Кажется это Акакий из Нижнего Селения. Что ему надо?.. Обязательно захотел тебя видеть.

Подле старого дома Серго встречает мальчик лет двенадцати и передает клочок бумаги.

— Это от Ваню,—тихо говорит он.

---

1) Мчады — хлеб из кукурузы.

W. G. ...
C. G. ...

Серго взволнованно берет клочок. Что случилось?—Нервным, еще детским почерком Ваню пишет.

«Пожалуйста, Серго, маме не надо говорить этого. Скажи, что я с Цуруа ушел в Чахатаури. Акакий все расскажет. Ваню».

— Что случилось?—уже спрашивает Серго мальчика.—Где Ваню?

Мальчик огляделся вокруг. Во дворе были он и Серго и старая Джигория.

— Мы все были там,—начал он таинственно и взволнованно, махнув рукой куда-то в сторону.— Я пошел утром вместе с братом. Он в ячейке, комсомолец. Он позволил. Сказал, что я, может быть, пригожусь. Я и пригодился... Когда мы встретились с Ваню и хотели взять того, тот испугался и побежал. Мы все вдогонку за ним. Он стал стрелять. Тогда наши тоже начали стрелять. Одна пуля его и срезала. А он своей немного Ваню задел...

— Ваню ранен?

— Так, немного в руку, повыше локтя. Да вы не пугайтесь, он молодец. А вот тот на месте остался.

— Цуруа убит?

— Сразу! Наповал! Я вот на селение прибежал об этом сказать. А Ваню просил вам в руки записку передать. Не хотел он, чтобы другие все знали.

— А как же перевязку?..

— Не беспокойтесь. Перевязали. У того в чемодане и бинт нашли. Ну, я пошел. Скажу Ваню, что видел вас.

— погоди! Я думаю, ты проголодался.

— Это пустое. Надо туда поспешить. А для еды сейчас винограду кругом много.

Мальчик побежал к выходу. Серго вдруг стало чего-то стыдно. Вспомнилось неясное опасение попасть в передрагу, помешавшее ему утром пойти вместе с Ваню.

— погоди!—неожиданно крикнул он вдогонку мальчику.—погоди! Я пойду с тобой.

Тот остановился. Казалось, он был озадачен заявлением Серго.

— Зачем?—уже спрашивает он, чтобы рассеять свое недоумение.

— С тобой, туда. Может быть, я вам пригожусь там.

— Нет. Лучше не ходите. Мы сами все делаем.—И он побежал дальше. Старая Джигория несколько раз тявкнула ему вслед и опять улеглась в тени. Серго сконфуженно остановился. В руках его была бумажка, нацарапанная еще незрелой рукой, которая его в чем-то упрекала.

ЭКСПЕДИЦИЯ

1

Шалико Кучаидзе—комсомолец. Служит он при редакции газеты рассыльным и, кроме того, два раза в неделю, вечером, занимается в кружке политграмоты. И работу на службе и занятия в кружке Шалико охотно выполняет, хотя заниматься политграмотой гораздо интереснее и приятнее уже потому, что кружок ведет Серго Абашидзе. Абашидзе также работает в газете, но не рассыльным, а корреспондентом. Не зря же он учился в университете. Шалико же помнит его не только студентом, но и гимназистом, когда летом, во время каникул, Серго вместе с молодежью из их деревни уходил со стадами в горы,—ведь Серго и Шалико были из одной деревни.

Серго Абашидзе—корреспондент. Часто ему приходится уезжать из большого шумного города то к морю, то в горы. И после каждой его поездки

Шалико находил в газете интересные сообщения, то о бакинских нефтяных промыслах и быте рабочих, то о развалинах Нахичевани и сонных жителях этого старого города, то о Чакве и чайных плантациях. И хотелось юноше тоже побывать во всех этих местах и повидать и Чакву, и море, и полазить по горам.

Как-то раз, исполняя какое-то поручение редакции, Шалико встретил на большом проспекте людей, которые привлекли не только его внимание. Одеты те люди были совсем не так, как ему до того приходилось видеть. Правда, в их городе всегда можно встретить очень разнородно и пестро одетых людей, но одетых в стальную сетку ему еще видеть не приходилось.

И так те два встреченных им человека заинтересовали Шалико, что он, попав в толпу, следовавшую за ними, прошел много лишних улиц и запоздал возвращением в редакцию. Ему, конечно, за то влетело.

Вечером же, после занятий по политграмоте, Шалико поймал в коридоре Серго и спросил:

— Товарищ Серго! Можно вас спросить?

Тот куда-то спешил, но остановился,—ведь Шалико был с ним из одной деревни.

— Ну, кацо! спрашивай! Что тебе непонятно, или из дома известия какие есть?

Шалико на минуту замялся.

— Нет, товарищ Серго!.. Чего тут непонятно...

Я вот сегодня на проспекте видел двух людей в сетках...

— А! Это ты хевсур видел! Тут делегация из Хевсуретии приехала. Мне вот на днях придется туда ехать...

— Хевсуры это те, что от крестоносцев?.. Так, стало быть, вы к ним поедете?

— Да, кацо! придется поехать. Поездка интересная, но немного опасная. Уж не хочешь ли ты со мной?

У Шалико глаза сделались круглыми от удивления: уж не смеется ли над ним товарищ Серго. Это—нехорошо.

— Один я туда, конечно, не поеду,—продолжал тот.—А туда можно либо пешком, либо верхом на лошади. Надо мне будет кого-либо с собой взять. Возьму проводника, знающего дорогу, и тебя. Согласен?

— Так вы не смеетесь надо мной, товарищ Серго?

— Вот чудак! Коли согласен, завтра же скажу о том в редакции, а на той неделе, в начале, и поедем. Вижу, что согласен. Ну, и хорошо, кацо!

И Серго куда-то побежал. А обрадованный Шалико, сделав какой-то хитрый прыжок в воздухе, совершенно незаметно скатился с лестницы на улицу и поспешил домой.

Шалико не верилось, что он, вместе с корреспондентом Серго Абашидзе и милиционером Михо Баришвили, едет «экспедицией» в Хевсуретию. Серго должен был побывать в глухих селениях этой оторванной от современности народности, установить, насколько там привилась советская власть, а главное—познакомиться с бытовыми условиями населения Хевсуретии.

Уж второй день, как путники в дороге. Уж второй день, как Шалико чувствует за своей спиной винтовку, а под собой старого рыжего жеребца.

Медленно движутся лошади по узкой горной дорожке. Медленно продвигается вперед «экспедиция». На маленьком гнедом скакунке, так мало соответствующем росту всадника, впереди огромный Михо Баришвили; по середине на сером иноходце, скорее похожем на игрушку, Серго, а сзади, замыкая «экспедицию», Шалико на своем старом рыжем жеребце.

Ущелья по берегу Арагвы то расширяются, то суживаются. Горы все растут и растут. Привычные к извилистым горным тропам лошади точно скользят по крутизнам. Кажется, вот неосторожный шаг, камень, выскользнувший из-под копыт, и они вместе со спутниками полетят вниз, в воду сердито шумящей реки. Где-то высоко над голо-

вой застыл царственный орел. Он манит Шалико своей неподвижностью.

— Товарищ Серго, можно выстрелить?—спрашивает он.

— Не стреляй!—кричит ему Баришвили.—Может быть, в горах кто-либо притаился, и выстрел твой послужит сигналом к нападению.

— Разве здесь так небезопасно?—спрашивает Серго, перекидывая винтовку и приостанавливая лошадь.

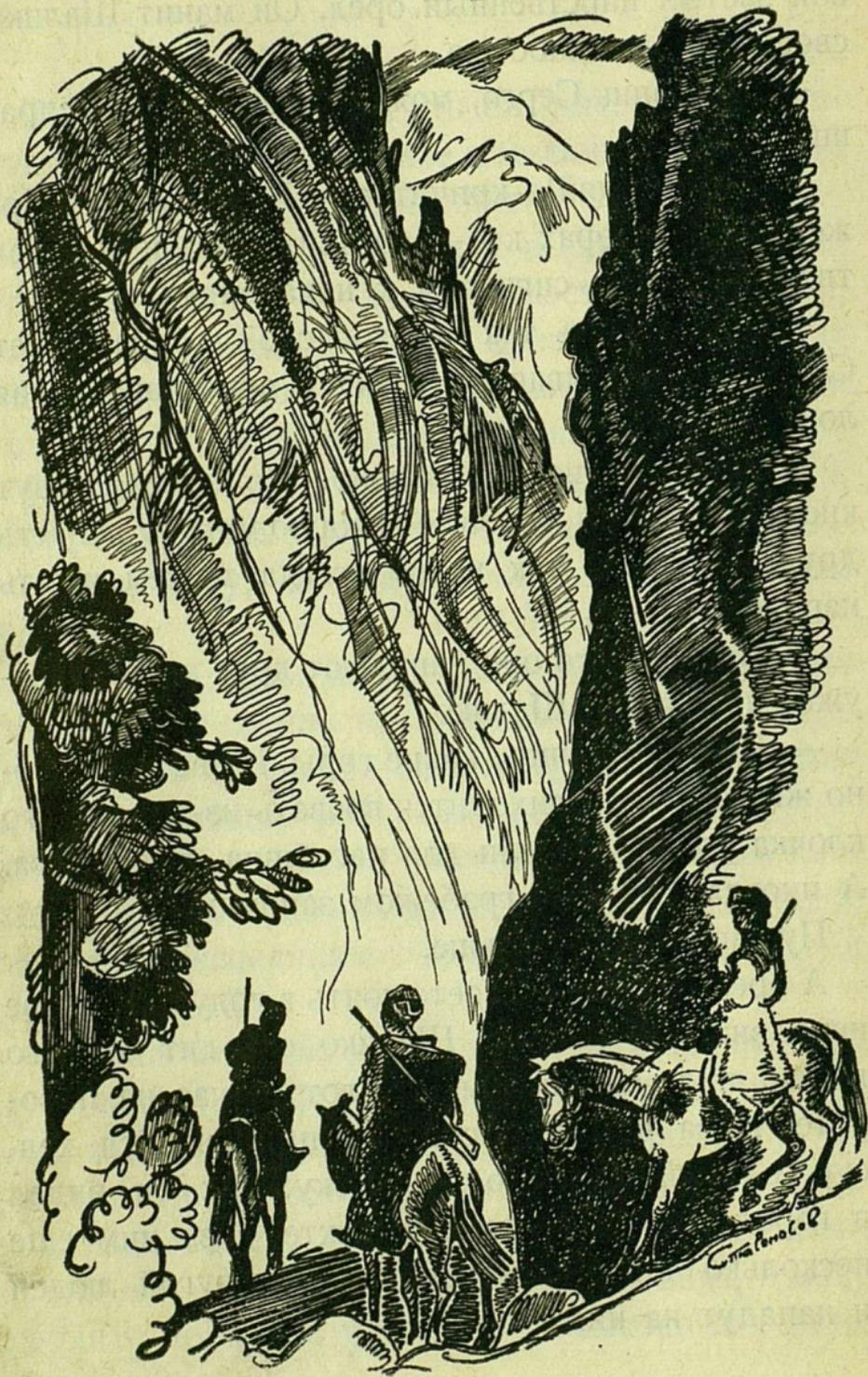
— В горах всегда опасно. Но здесь живут кисты и хевсуры, готовые каждую минуту напасть друг на друга, так и мы всегда можем ждать нападения.

— Чего же это они нападают друг на друга?—уже спрашивает Шалико.

— Чего?.. Видишь, какие горы. Разве тут удобно жить? Ну, и приходится воевать из-за каждого клочка удобной земли для пастбища, для посева. А иногда и просто грабежом занимаются.

Путники едут дальше.

А орел все продолжает стоять в голубой синеве неподвижной точкой. Шалико отводит от него взгляд и думает о том, что вот сейчас на повороте из-за камня выскочит спрятавшийся хевсур, одетый в такую же сетку, как он видел в городе, на большом проспекте, а за ним еще несколько также защищенных кольчугой людей и нападут на них.

— Товарищ Серго! а хевсуры в сетках нападают?

— Выдумал! Сетку они надевают только в торжественных случаях.

— Ну, если так, то справиться с ними при падении будет нетрудно,—уже вслух кончает свои предположения Шалико.

— Э! Пусть лучше не нападают,—благоразумно вставляет Михо Баришвили.—И, посмотрев на солнце, которое бежало за гребень, замыкающий ущелья, добавил.

— Так через час пути мы должны доехать до небольшого селения. В нем когда-то я бывал. Надо нам там переночевать.

3

Небольшое селение, всего лишь в несколько дымов, точно прилепилось к горе. Путникам еще издали бросилось в глаза какое-то странное сооружение из серого камня с конусообразной верхушкой, непохожее на другие. Вокруг того сооружения собрались люди.

— А это что такое?—спрашивает Серго, указывая на то сооружение.

— А это часовня,—отзывается Баришвили.—Мы, видно, на праздник попали. Пивом нас будут угощать. Ну, и пиво у них варят!

Экспедицию заметили. Несколько хевсур, в

своих длинных рубахах, отделившись от других, пошли к ним навстречу, и попросили принять участие в празднике.

Часовня очень старой стройки, без окон. В углублении высечено из серого же камня подобие иконы. Подле котел для варки пива и очаг для жертвоприношений. Большинство присутствующих, исключительно мужчины, во главе со священником, расположившись вокруг очага, пьют пиво и закусывают жертвенным барашком. Путникам пришлось присоединиться к ним.

— Какого чорта! я не хочу в этой компании участие принимать!—возмущается Шалико и переходит с родного языка на русский. Михо же Баришвили крайне доволен—пиво действительно вкусное, дурманит голову и парализует ноги.

— Михо! — говорит ему Серго, — долго нам здесь оставаться не надо.

У Баришвили среди присутствующих хевсур нашелся знакомый, — он ведь когда-то бывал в этом селении. Тот его узнал и предложил путникам направиться к нему.

Жилище, как ласточкино гнездо, прилипло к горе. Несколько этажей, и крыша первого служит террасой для второго: на ней сушатся кожа баранов и табак. Внутри, посредине помещения, большой очаг. Убранства почти никакого, лишь ящик с соломой, похожий на кровать. По стенам развешана медная посуда. Грязно.

— Нельзя ли будет у вас переночевать?—спрашивает Серго хозяина, уже немолодого хевсура.

— Отчего же! мы добрым людям рады. Да только редко они к нам попадают. Дороги у нас плохие да и ехать к нам небезопасно. Кругом люди плохие, обидеть ни за что могут.

У хозяина две жены: старшая—бездетная и младшая, у которой маленький ребенок. Старшая жена ставит перед гостями деревянную чашку с твердыми, как камень, лепешками, сыр и араку, и отходит в сторону,—женщина прислуживает мужчине, когда тот ест.

— Плохо вы живете,—говорит Баришвили, вытаскивая привезенную с собой снедь и угощая хозяина. И все потому, что с соседями ссоритесь, грабежом занимаетесь.

— Не надо так говорить,—возражает тот,—мы не хотим ни с кем ссориться. Нужда заставляет. Ну, если у тебя сосед отнимет баранов, разве ты смолчишь?

— Зачем молчать?—вмешивается Шалико.—Если что у нас пропадет, мы идем в милицию и заявляем. А милиция будет искать. А когда найдет, то пропавшее вернет, а вора накажет.

— Это в городе там можно, а у нас в горах нельзя. Вот я украду твою лошадь. Где будет искать ее твоя милиция?

— А есть у вас исполком?—задает вопрос Серго, что-то до того записывавший в свою книжечку.

— У нас есть старшина. Он, вместе со старейшими решает все наши дела. Но что сделают они, когда и их обижают соседи? Оружия у нас мало, трудно защищаться.

4

Шалико в душе был огорчен: несколько дней в пути, а ни одного хевсура в панцире. У некоторых встречных хевсур он видел на их длинных рубахах вышитые крестики, что тоже указывало, как он где-то вычитал, что хевсуры потомки крестоносцев. Но это было все же не то. Ему очень хотелось еще раз здесь, в горах, в какой-нибудь неожиданной и жуткой обстановке, встретить человека в панцирной сетке, в рыцарском шлеме, со старинным булатным мечом и щитом.

Правда, нельзя было сказать, чтобы он не был доволен «экспедицией»: он видел цепи снеговых гор, змейкой извивающихся на голубом горизонте; он видел неподвижно застывших в воздухе орлов; он проезжал мимо мест, где не так давно было поднято меньшевистское восстание, о котором еще говорили памятники в виде полуразрушенных зданий. А главное, он видел родной ему по языку народ, совершенно оторванный от современности, живущий в темноте и невежестве. Все это было, конечно, интересно. Но для полноты впечатления ему чего-то не хватало.

В селении, в котором путники заночевали, за-

держиваться они не хотели. Утром было решено выехать дальше. Впереди предстоял опасный переезд, предстояло пройти одну тропу, известную под названием «бандитской тропы».

— Недобрый путь вы выбрали,—говорил, провожая своих случайных гостей, хозяин хевсур.— Много крови там пролито. Пожалейте свою. Выберите другую дорогу.

Но намеченный путь был самым близким. Дорога вьется по дну узкого ущелья, стиснутого высокими горами. В боковых расселинах видны развалины когда-то неприступных крепостей и башен. Скалистые склоны голы, лишь видна зелень мха, да кое-где вылезают одинокие чахлые кусты.

Но вот дорога меняется. Путь расширяется, горы отходят. Где-то спрятанное солнце ласково бросает свое тепло. Изменился суровый ландшафт природы. Опасность уже как будто ушла. Напряжение путников начинает ослабевать. У Шалико проступает разочарование.

— Чего же это он нас бандитами пугал!—недовольно брюзжит он.

— Не зря пугал,—говорит Михо Баришвили,— я и без него знаю, что место проклятое...

Вдруг за поворотом дороги выросли три фигуры. Мелькнули рыжие папахи, блеснули винтовки, и высокие гибкие фигуры какими-то длинными прыжками исчезли в кустах.

— Ну, вот и бандиты!—не совсем ровным голосом бросает Михо, приостанавливая лошадь.

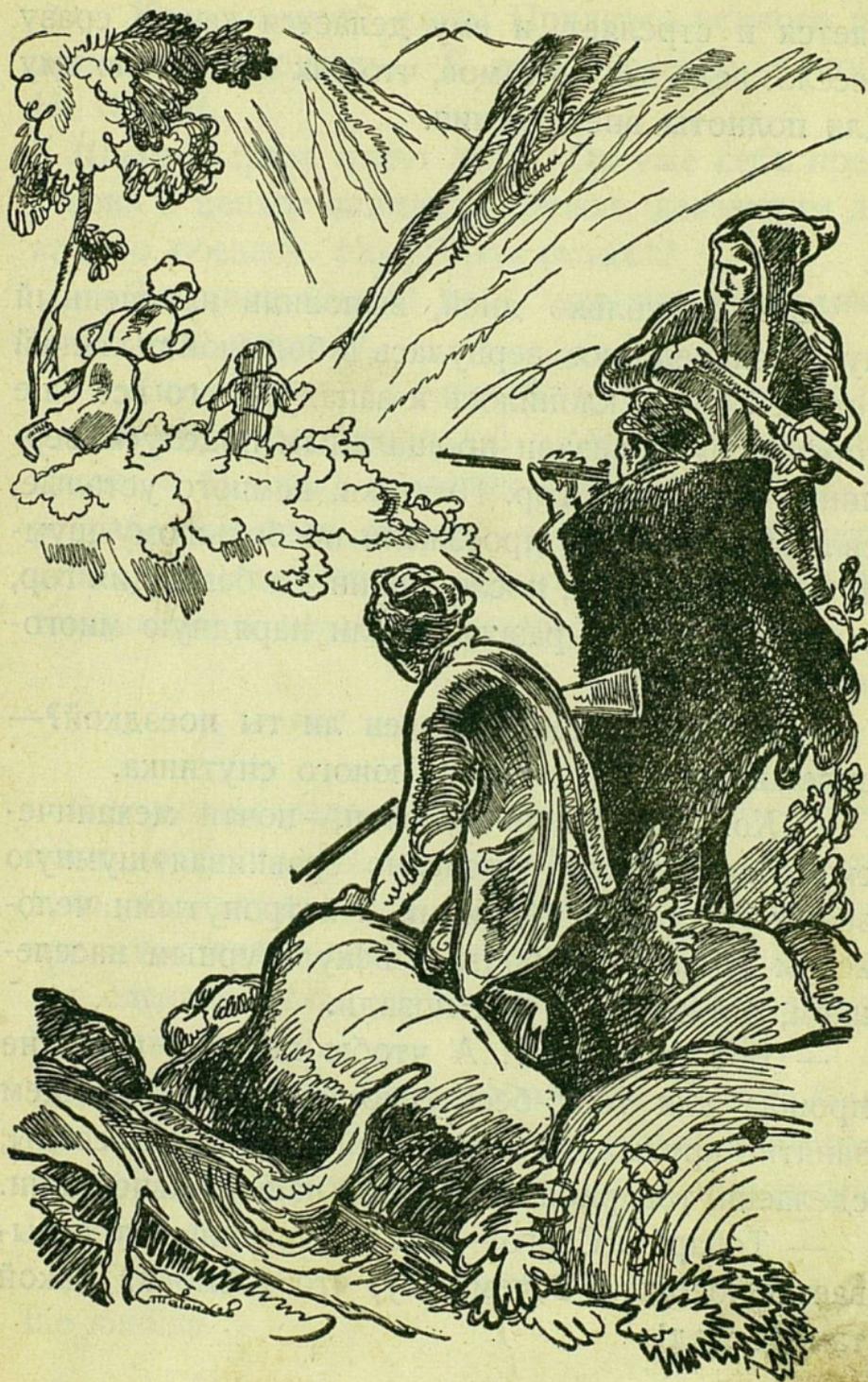
У Шалико сердце замирает не то от радости, не то от страха.

Место, по сравнению с только что пройденным, почти открытое. С одной стороны ряд не очень густого кустарника, за которым спрятались бандиты, с другой—груда наваленных камней и за них без всякой команды, спешившись, залегла «экспедиция».

Камни—защита надежнее, чем кусты. Но силы неприятеля неизвестны. Лошади оставлены поодаль и ищут корма. Вот одна из них направилась к кустам, за которыми залег враг. Навстречу ей из-за кустов выползли двое в лохматых рыжих папахах.

Баришвили быстро перекидывает винтовку и стреляет раз, два, стреляет три раза. Один из бандитов сначала присел, потом скорчился и упал. Другой, пригнув голову в лохматой шапке, быстро побежал в сторону ущелья.

Шалико держит свою винтовку наготове, но не знает, что с ней делать. Михо и Серго, точно боясь потерять время, быстро, будто стараясь перегнать один другого, выпускают пять-десять выстрелов в зловещие кусты. И юноша видит, как оттуда, сделавшись сразу маленькими, бегут в направлении к ущелью еще четыре человека в одинаковых рыжих папахах. Шалико прицели-

вается и стреляет, и ему делается как-то сразу весело: ведь это то самое, что так не хватало ему для полноты впечатления.

5

Через несколько дней, выполнив намеченный путь, «экспедиция» вернулась в большой пыльный город. Солнце клонилось к западу, и его все еще горячие лучи лизали прощальным поцелуем вершины окрестных гор. Путники, немного усталые, сильно загорелые, проезжали по большому шумному проспекту и, после тишины и безлюдия гор, с удовольствием разглядывали нарядную многоголосую толпу.

— Ну, что, кацо, доволен ли ты поездкой?— спрашивает Серго своего юного спутника.

— Конечно, очень доволен,—почти механически отвечает тот, мысленно сравнивая шумную знакомую улицу с дикими и нетронутыми человеком видами природы и некультурным населением, оставшимся уже позади.

— Вот и хорошо! А чтобы поездка наша не прошла для тебя бесследно, ты на следующем занятии кружка, вместо нашей очередной беседы, сделаешь товарищам доклад о нашей экспедиции.

— Товарищ Серго!—уже не механически отзывается юноша.—Зачем? Ну, что я смогу? Какой там доклад!

— Не отвливай, кацо! Придется немного подумать, поработать... Я тебе, конечно, помогу. Не бойся!

Шалико сразу стало легче. Он уже себя представил в центре внимания кружка, делающим доклад о поездке. Но что он скажет?

— Товарищ Серго! но о чем же, собственно, будет мой доклад?

— Как о чем?.. О Хевсуретии... О местоположении ее, о населении, об экономическом положении, о бытовых условиях... Мы с тобой вместе разработаем план доклада, а ты по нему, на основании уже полученных впечатлений, расскажешь товарищам о том, что видел.

6

В коридоре редакции на небольшом клочке бумаги, но крупными, четкими буквами было написано, что сегодня, в 8 час. вечера, в помещении кружка политграмоты тов. Шалико Кучаидзе будет сделан доклад о поездке его в Хевсуретию. Вход свободный.

Еще задолго до 8 час. небольшая комната была уже переполнена. Собрались не только товарищи по кружку, но совсем посторонние незнакомые Шалико люди.

— Какого чорта их принесло!—негодовал в душе юноша.

Около восьми часов пришел Серго.

— Ну, кацо, как дела? Пришел тебя послушать.

— Товарищ Серго, чего тут чужие пришли?

— Какие чужие? Не из кружка? Ну, так что же! Интересуются!

В окна влетали звонки трамвая, гудки автомобиля и прочий гомон большой шумливой улицы, когда Шалико занял место за столом, которое обычно занимал Серго. Подле стоял кувшин с водой и кружка. Горло, казалось, немного пересохло, когда юноша начал свой доклад.

— Товарищи, мы вот недавно побывали в Хевсуретии, которая занимает небольшую часть гор Восточной Грузии. Население Хевсуретии относится к одному из старейших воинственных племен нашей республики...

С трудом сделанное начало было завершено. Шалико сразу почувствовал, что собравшихся товарищей привел сюда действительно интерес к хевсурам, тем хевсурам, о которых он и сам еще так недавно почти ничего не знал. И юноша сразу почувствовал себя как-то выше собравшихся на ту сумму впечатлений, которую он получил от поездки в Хевсуретию. И поделиться с собравшимися своими правда немногими и далеко неполными сведениями о Хевсуретии казалось ему уже необходимым.

Небольшая аудитория слушала докладчика внимательно. Некоторые из собравшихся что-то за-

писывали, и это не ускользнуло от внимания Шалико.

В конце своего сообщения юноша указал на то, что тяжелое экономическое положение хевсур является главным образом следствием бездорожья. Вследствие же бездорожья получилась оторванность их от жизни, от современности, и создались те темные неясные бытовые условия, которые сейчас имеются в Хевсуретии.

— Товарищи!—закончил Шалико свое сообщение,—вы видите, что часть наших братьев, живущих сравнительно не так далеко от нашего большого шумного города, всего лишь в каких-нибудь 100—150 верстах, ведет такую темную некультурную жизнь. Наш долг вывести их из того положения, в котором они находятся вот уже многие столетия. Пусть никто из присутствующих здесь этого не забудет.

Шалико исчерпал все свои впечатления, не было им забыто нападение бандитов. Казалось, уже было сказано все, а ему все еще что-то хотелось рассказать собравшимся товарищам. Но порывшись в памяти, он там больше ничего не нашел.

— Ну, товарищи, все! Доклад свой я на этом заканчиваю.

Опять в комнату вошла улица с ее трамвайными звонками, автомобильными гудками и прочею шумихою, которые покрывались гомоном молодых голосов.

— Ну, кацо, ты оказался совсем молодцом!— уже говорит Серго докладчику, дружески хлопая его по плечу.—Теперь постарайся все то, о чем сегодня говорил, написать. Авось и в газету попадешь. И для дела полезно, и тебе—не вредно. А там глядишь,—и в корреспонденты выйдешь.

У Шалико немного кружилась голова. И это было совсем не от того, что в комнате нечем было дышать. Нет! Перед ним вдруг промелькнула какая-то новая, большая широкая дорога жизни. Неудержимо захотелось остаться одному и о чем-то подумать.

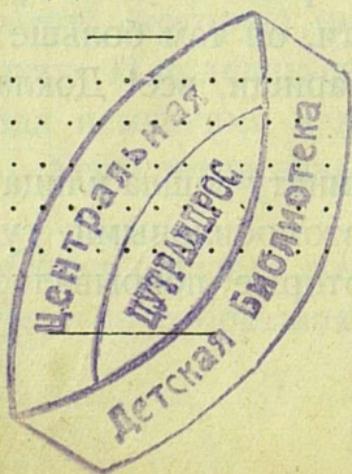
И юноша стремительно покинул комнату, в которой еще стоял гул молодых голосов, разбуженных его сообщением. Он быстро скатился с лестницы на шумную улицу и побежал домой.

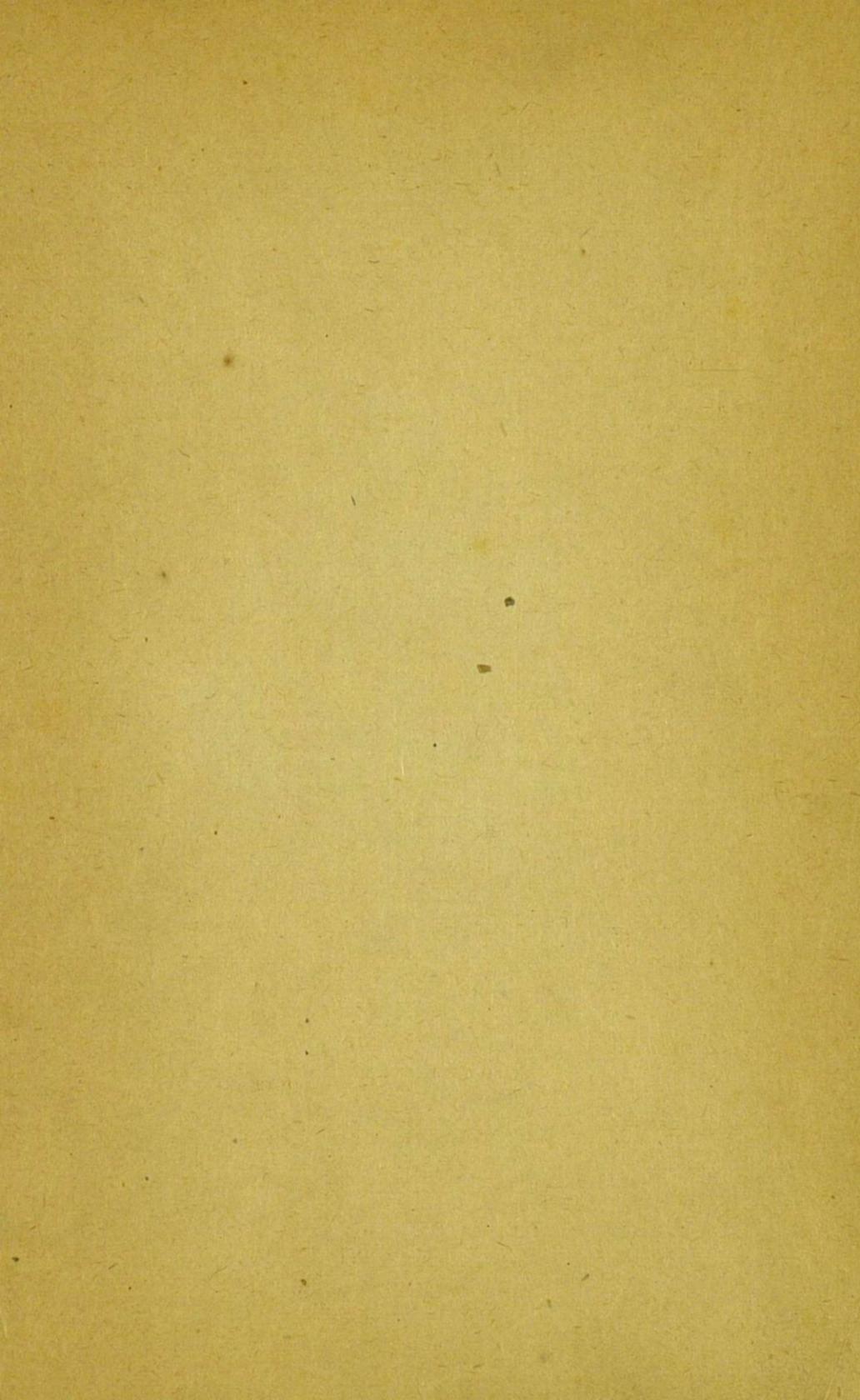

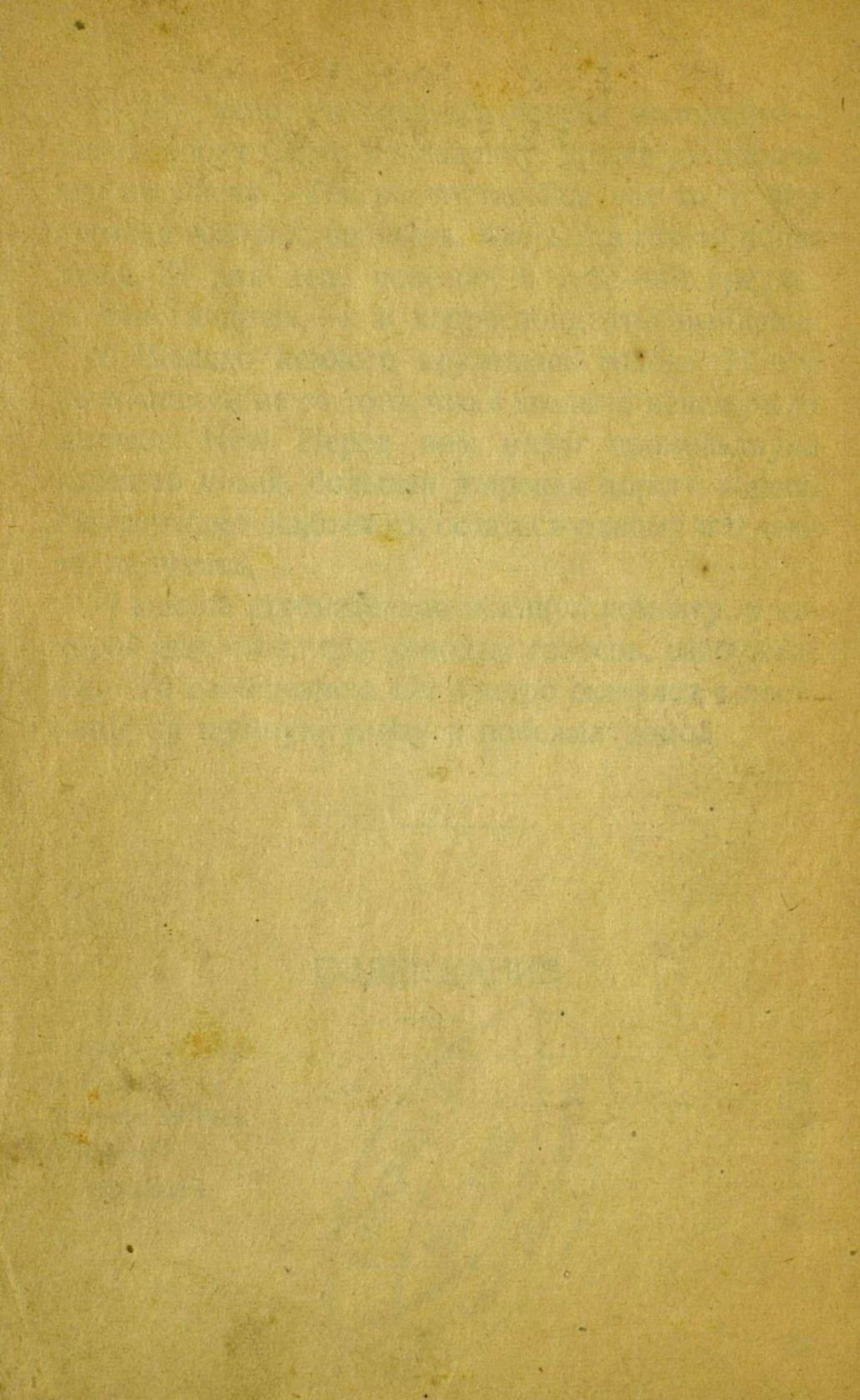
СОДЕРЖАНИЕ

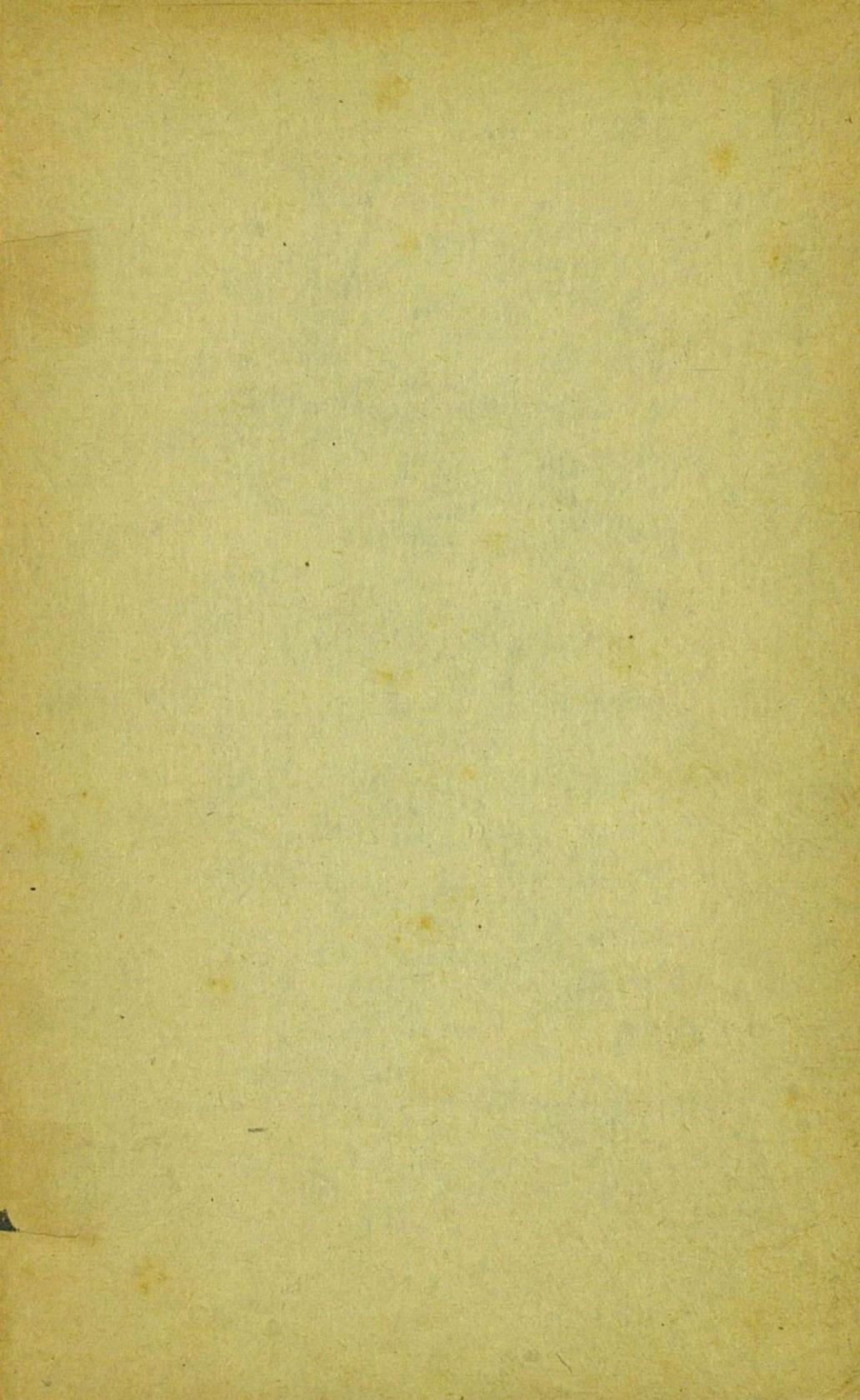

I Враги	3
II Муша	21
III Симон из Бечо	34
IV Смена	52
V Экспедиция	71

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ПО РАЗНЫМ СТРАНАМ

Киплинг, Р. Маугли. Из книги джунглей. Перев. с англ. С. Г. Займовского. Рис. В. Ватагина. М.—Л. 1926. Стр. 162. Ц. 2 р.

Издание представляет собой перевод известной поэмы Р. Киплинга изображающей животных и растительный мир Индии, и приключение „человеческого детеныша“, воспитываемого джунглями. Совершенно исключительны по обилию и художественной ценности иллюстрации известного анималиста В. А. Ватагина. Книжка представляет собою ценный вклад в детскую литературу.

Мультагули. Саид и Адинда. Рис. З. Гурвич. Изд. 2-е. М.—Л. 1925. Стр. 37. Ц. 25 к.

Рассказ из жизни туземцев на о. Яве, в художественной форме рисующий их быт, превосходно иллюстрирует жестокую колониальную политику „просвещенных“ европейцев и дает картины восстания против безмерного угнетения. В центре действия мальчик, что делает рассказ интересным для детей.

Онруд, Г. Сольве с солнечного хутора. Пер. с норвежского М. Розенфельд. С рис. М. 1925. Стр. 93. Ц. 60 к.

Повесть рисует трудовую жизнь норвежского крестьянского мальчика, проникнута здоровым настроением и проведена в бодрых тонах, свойственных в норвежской литературе; в отличие от других рассказов данного автора, повесть имеет более живую фабулу; хороши описания норвежской природы.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

ВЫСЫЛАЮТ НЕМЕДЛЕННО ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАКАЗА

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ“,

ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ“,

а в пределах УССР — ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ, РСФСР,

„КНИГА ПОЧТОЙ“, улица Свердлова, 14.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 р. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно. Исполнение заказов быстрое и аккуратное.

Каталоги детских книг, популярно-научной литературы и др. высылаются по требованию бесплатно